

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

АННЕ МЕТТЕ ХАНКОК
ПИТБУЛЬ

INSPIRIA

Кальдан и Шефер

Анне Метте Ханкок

Питбуль

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Ханкок А.

Питбуль / А. Ханкок — «Эксмо», 2020 — (Кальдан и Шефер)

ISBN 978-5-04-122518-6

«Питбуль» — это по-скандинавски жесткий роман о сильных женщинах, история преступлений, мести и возмездия, которая освещает новые грани жесткого триллера и смещает фокус с фигуры мрачного небритого полицейского на обычных женщин — журналисток, следователей, программисток, которые под давлением обстоятельств и зачастую наперекор мнению окружающих выводят расследование на новый уровень. Самым жарким летом за последний век, когда местные пророки каждое утро возвещают о Судном Дне, Элоиза Кальдан проводит журналистское расследование о добровольцах Красного Креста. Ян Фишхоф, пенсионер, в молодости работавший там охранником, в приступе бреда признается в причастности к убийству. Элоизе не остается ничего, кроме как обратиться к своему другу — полицейскому Эрику Шеферу, в надежде раскрыть давнее преступление: оправдать или обвинить старика Фишхофа. «Питбуль» — третья книга в серии Анне Метте Ханкок об Элоизе Кальдан и Эрике Шефере.

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-122518-6

© Ханкок А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

14 июля, воскресенье	6
10 июля, среда	9
11 июля, четверг	20
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анне Метте Ханкок

Питбуль

Моей родине посвящается

Не буди лихо, пока оно тихо.

14 июля, воскресенье

Пролог

– Ты что, первый раз видишь, как выкапывают тело?

Следователь из отдела по расследованию убийств Эрик Шефер сунул в рот сигарету «Кингс» без фильтра и подошел к крану.

Подъемный механизм скрипел и визжал, пока ржаво-красный металлический монстр вытаскивал из ямы перепачканный глиной гроб.

Элоиза Кальдан отмахнулась от мухи и кивнула.

– Я бы сказал, не детское это зрелище.

– Боюсь, мы здесь мало что обнаружим, – сказала Элоиза и посмотрела на надгробие – почерневшую мраморную глыбу, убранный в сторону, перед тем как началось вскрытие могилы. Камень лежал надписью вниз на желтой, выжженной солнцем траве.

Шефер покачал головой, как бы говоря: и да, и нет.

– Это много от чего зависит, – сказал он. – Трупы в сундуках тоже по большей части удивительно хорошо сохраняются.

Элоиза посмотрела на него скептически.

– Даже спустя столько лет?

Он прикрыл сигарету от ветра ладонью размером с бейсбольную перчатку и закурил.

Когда он заговорил, изо рта и ноздрей у него повалил дым.

– Трупы, которые лежат просто в земле, быстро разлагаются. От них во мгновение ока остаются одни кости – в течение нескольких месяцев, а иногда и недель при нынешней погоде.

Шефер посмотрел на Фленсбургский фьорд. Солнечные лучи играли на поверхности воды, повсюду виднелись белые паруса.

Он снова посмотрел на экскаватор.

– А в гробу человек сохраняется в хорошем состоянии многие годы. Не пойми меня неправильно: это не бог весть какое приятное зрелище, но можно вполне рассчитывать, что внутри вот этой штуки есть что-то похожее на человека.

Он указал подбородком на гроб, который в то же самое мгновение показался из ямы.

Соленый воздух фьорда и запах древесного угля из лагеря на берегу смешивались с глубокими нотами гнили, и Элоиза отступила на шаг назад.

– Что теперь? – спросила она.

– Сейчас мы отвезем гроб на судебно-медицинскую экспертизу, и они посмотрят, что внутри.

С глухим стуком гроб опустился на металлическую тележку стоявшего впереди рефрижератора.

– Везти в Обенро или в Сеннерборг? – спросил служащий в форме, стоявший рядом с водителем.

– Нет, нет, – сказал Шефер, помахав указательным пальцем. – На Чертов остров, ребята.

Он подошел к ним, и Элоиза услышала, как он объясняет им, что гроб нужно перевезти в Копенгаген. Она видела, что он достал ордер из заднего кармана и показал его полицейскому.

В кармане у нее завибрировал телефон. Он был подключен к немецкой мобильной сети, потому что они находились близко к границе, и номер не определился.

– Аллю?

– Здравствуйте, я говорю с Элоизой Кальдан? – спросил голос тихо, почти шепотом.

– Да, это я.

– Меня зовут Маркус Сенгер, я из Патронажной службы. Звоню по поводу Яна Фишхофа. У Элоизы упало сердце, и она уронила голову на грудь.

– Он умер? – спросила она и провела рукой по шее.

– Нет, но уже близок. У него сильные боли, он все время то приходит в себя, то теряет сознание, так что мы думаем, что это вопрос нескольких часов.

– Но вчера вечером я разговаривала с вашей сотрудницей, и у меня сложилось впечатление, что он чувствовал себя более-менее.

– Верно, но ночью ему очень поплохело. Он спрашивал о вас несколько раз. Поэтому я и звоню.

Элоиза кивнула и посмотрела на немецкое побережье на противоположной стороне фьорда.

– Я сейчас не в Копенгагене, но я... – Она посмотрела на часы. До следующего рейса оставалось чуть больше двух часов. – Я могу приехать самое позднее после обеда.

– Большое вам спасибо. Скрестим пальцы, чтобы вы успели.

– А сейчас с ним есть кто-нибудь?

– Да, в доме есть люди, но он не хочет, чтобы кто-нибудь входил в спальню. Он хочет видеть только вас.

– Хорошо, – кивнула Элоиза. – Скажите ему, что я уже еду.

– Спасибо, я все ему передам.

– И, Маркус... так вас зовут?

– Да.

– Скажите ему... – Элоиза посмотрела в безоблачную пустоту над головой и постаралась найти слова. – Скажите ему, чтобы он не боялся и... – она несколько раз сглотнула, – скажите, чтобы он дождался меня.

Элоиза положила трубку и встретилась взглядом с Шефером. Он подошел и взглянул на нее, нахмурившись.

– Фишхоф? – спросил он.

Она кивнула и убрала телефон.

– Мне нужно домой. Они думают, что он умрет сегодня.

Глядя на нее, Шефер глубоко затянулся сигаретой.

– Хорошо, – кивнул он и снял с нижней губы крошку табака. – Только не вовлекайся слишком сильно, ладно?

– Что ты имеешь в виду?

– Просто не забывай, что речь идет не о члене семьи. Он тебе не отец, так что смотри в будущее, Кальдан.

Элоиза несколько секунд смотрела ему в глаза.

– Он умирает, ты это понимаешь? Умирает, и он совсем один.

Шефер кивнул:

– Да, я понимаю, но люди умирают каждый день. Невозможно каждого держать за руку.

Элоиза покачала головой. Она слишком устала, чтобы расстраиваться.

– Я и не собираюсь держать их всех за руку. Я говорю об одном человеке. Один человек, для которого я могу сделать что-то. Сейчас. Сегодня! Разве не в этом вся идея Патронажной службы?

– Да, и это очень хороший поступок, – сказал он, кивая. – Но для этого нужно иметь крепкие нервы.

– Да, я понимаю. К чему ты клонишь?

Шефер слегка пожал плечами.

– Похоже, вся эта ситуация сильно влияет на тебя.

Элоиза скользнула взглядом по покрасневшему глазу Шефера, потом по гробу и снова посмотрела на Шефера.

– Конечно, влияет, – сказала она. – Не знаю, заметил ли ты, но это были довольно тяжелые дни. Теперь Фишхоф умирает, а я пообещала ему быть рядом. Я пообещала избавить его вот от этого дерьма, – она указала на гроб.

– Элоиза, какого черта. – Шефер покачал головой со снисходительной миной на лице. – Ты же, блин, знаешь, что...

– Мне нужно домой! – Элоиза повернулась к нему спиной и направилась к машине. – Я дала обещание.

Шефер бросил сигарету и наступил на нее.

– Вот и не надо было, – пробормотал он.

10 июля, среда

Четырьмя днями ранее

1

Элоиза отперла дверь электронным ключом, который ей выдал «Красный крест», и вошла в полутемный вестибюль. С момента первой встречи, состоявшейся три месяца назад, промежутки между ее визитами в маленький фахверковый домик в Драгере сократились, и сегодняшнее посещение было уже третьим за неделю.

Она повесила сумку на крючок в коридоре и пошла на кухню, чтобы доложить о своем прибытии сиделке из Патронажной службы, которая, как она слышала, что-то делала там.

– Здравствуйте, Рут, – сказала она, обращаясь к спине миниатюрной женщины, которая вытирала кухонный стол. Ее движения были очень демонстративными, и она продолжила работать, наклонив голову и не поднимая глаз. У нее была короткая мужская стрижка, и Элоиза заметила в складках шеи белые незагорелые полосы.

Элоиза бросила взгляд в сторону спальни, дверь которой была приоткрыта.

– Он спит?

– Нет, не думаю, – сказала Рут. – Я вывезла его в сад, чтобы он подышал свежим воздухом. – Она с силой отжала полотенце и повесила его на кран. – Здесь так темно и грустно, а он весь день сидел, опустив голову, поэтому я подумала, что ему нужно немного побыть на улице. Но ему это не очень понравилось, старому ворчуну. Он вел себя так, будто ему объявили, что сейчас отрежут ногу.

Элоиза улыбнулась. Ей уже приходилось слышать, как Ян Фишхоф ворчит по столь безобидному поводу, как прогулка.

Она заметила на кухонном столе тарелку с нетронутым мясным рулетом и домашним подрумяненным картофелем.

– Сегодня он и есть ничего не стал?

– Ни кусочка. – Рут вытерла руки о фартук. – Я сказала ему, что он не получит пива, пока не поест немного, но его было никак не уломать.

– Но пива он выпил, да?

– А разве он поел?

Лицо Рут не выражало никаких эмоций. Она принялась заворачивать завтрак в большой кусок пищевой пленки.

– Ооо, перестаньте, Рут, – сказала Элоиза, наклонив голову. – Раз уж человеку так сильно хочется, чтобы его последняя трапеза была подана в бутылке, разве не стбит нам позволить ему это?

Рут поджала губы.

– Может быть, это и есть заголовок, который вы выбрали для своей статьи? «Смерть от пьянства»?

Слова упали тяжело, и у Элоизы возникло ощущение, что они были придуманы уже давно. Она удивленно подняла брови и улыбнулась.

– Вам не нравится, что я здесь, Рут?

– Да, не нравится.

Рут повернулась и встретилась глазами с Элоизой. На лбу у нее собрались морщины, а руки были уперты в бока. Густой румянец залил ее толстую шею.

– Старик, который умирает, не должен быть газетным развлечением для читателей. То, что здесь происходит, – серьезно.

– Да, я прекрасно это понимаю.

– Задача Патронажной службы – забота и присутствие в эти последние тяжелые часы. Чтобы слушать, утешать и делать все возможное, чтобы облегчить горе расставания с жизнью.

– Но я здесь именно для этого. – Элоиза непонимающе покачала головой. – Вам не кажется, что Ян рад моим визитам?

Рут мгновение колебалась.

– Я думаю, что ваше присутствие скорее затягивает его мучения.

Элоиза нахмурилась.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она.

Но Рут не нужно было ничего говорить. Элоиза уже знала ответ. Когда она впервые навестила Яна Фишхофа, врачи из Патронажной службы «Красного Креста» сказали, что он умрет еще до конца недели. Это было почти три месяца назад. Теперь же, они полагали, все изменилось именно благодаря появлению Элоизы: Фишхоф обрел то, ради чего стоило жить, и это в такой степени обязывало, что ничего подобного Элоизе раньше не приходилось испытывать. Она чувствовала себя так, словно держала в руках жизнь этого человека, но понимала, что это бессмысленно. Он все равно умрет. Однако она не могла заставить себя бросить его в беде.

– Он испытывает очень сильные боли, Элоиза, и половину времени представления не имеет, кто он и на какой планете находится, – сказала Рут, говоря о начинавшейся у Фишхофа деменции. – Мозги у него превращаются в компот, а тело... да вы сами знаете, как он выглядит! – всплеснула она руками. – Зачем вы продолжаете приходить? Ради *статьи* в газете? – Она практически выплюнула это слово. – Оставьте его в покое, Элоиза. Ладно? Оставьте его в покое!

Элоиза положила руки на плечи Рут, так что они оказались лицом друг к другу.

– Я понимаю ваше беспокойство, но я хочу, чтобы вы знали, что, хотя это и началось как рабочее задание для меня, все изменилось. Я здесь уже не просто как журналист. Я здесь потому, что хочу быть здесь, и потому, что мы с Яном, мы... мы привязались друг к другу. Понимаете?

Рут молча скептически смотрела на Элоизу.

– Дело уже не в работе, – добавила Элоиза.

Рут неохотно кивнула.

– Значит, вы не собираетесь писать о нем?

Элоиза на мгновение прикусила губу, подбирая слова.

– По крайней мере, не сейчас и не так, как вы это себе представляете. Обещаю.

Губы Рут дрогнули, и это означало, что она приняла сказанное. Она несколько раз примирительно похлопала Элоизу по щеке влажной ладонью. Затем убрала тарелку в холодильник и сдернула фартук.

– Ну, что ж, если вы собрались посидеть с ним, то... наверно, я пойду.

– Да, идите, конечно, – кивнула Элоиза. – Я за ним присмотрю.

Рут вышла из кухни, и Элоиза, услышав, как хлопнула входная дверь, подошла к открытой двери гостиной и выглянула в сад. Она увидела Яна Фишхофа, сидевшего в инвалидном кресле под большим зеленым зонтом. Ядовито-зеленый отсвет ложился на его лицо и делал его еще более болезненным, чем обычно. Он был лыс, на костлявом лице выдавались зубы, а запавшие глаза были без бровей и ресниц. Мужчине было не больше шестидесяти семи лет, но рак легких за короткое время сделал его похожим на старика, которому под девяносто. Он сидел в кресле-каталке, рядом стоял кислородный аппарат. Глаза его были закрыты, рот безвольно открыт, а разжатые кулаки покоились ладонями вверх на коленях.

Как будто уже умер, подумала Элоиза.

– Ян? – позвала она.

Ян Фишхоф приоткрыл глаза, и его взгляд скользнул по ней, не фокусируясь.

– А, ты не спишь, – улыбнулась она.

Он снова закрыл глаза.

Заслонившись от солнца рукой, Элоиза подошла к нему. Уже третью неделю подряд стояла невыносимая жара. На пляжах по всему восточному побережью стало пахнуть подгнившими водорослями, трава на полях была сухой, как вата, а пророки Судного дня традиционно прорицали конец света.

Яну Фишхофу эта жара тоже давалась нелегко. Вены вздулись под тонкой, как папиросная бумага, кожей, а рубашка на шее и груди намочила от пота. Чем ближе Элоиза подходила к нему, тем громче слышалось хриплое, мучительное дыхание.

– Тебе, похоже, жарко, – сказала она, присела перед ним на корточки, положила руку ему на ногу и слегка сжала ее. – Не хочешь чего-нибудь выпить?

Он открыл глаза и на этот раз выглядел более сосредоточенным. Он медленно кивнул.

– Да, спасибо, – кивнул он. – «Пилснер» был бы очень кстати.

Элоиза улыбнулась.

– Минутку.

Она встала и исчезла за дверью патио. В маленьком домике было прохладно и темно, и взгляд Элоизы скользнул по мебели в гостиной. Комната, похоже, была обставлена женщиной. На большом цветастом диване лежали вышитые подушки, а на пыльных полках стояли хрустальные вазы и фарфоровые статуэтки белых медведей и девочек с молитвенно сложенными руками. Букет вереска в волнистой вазе дизайна Алвара Аалто¹ стоял на письменном столе в глубине комнаты. Цветы поблекли, и Элоиза подумала, что, должно быть, это Алиса, покойная жена Фишхофа, когда-то давным-давно собрала этот букет. Может быть, именно поэтому у него не хватило духу его выбросить?

Ее глаза скользнули по многочисленным семейным фотографиям в рамках, стоявшим на столе рядом с букетом. Некоторые были сепиями из далекого прошлого, другие относились к более позднему времени. Элоиза задержала взгляд на одной: это была фотография жены и дочери Фишхофа, сделанная, как казалось, в задней комнатке у провинциального фотографа. Девушка, чьего имени Элоиза не помнила, была одета в замшевую куртку карамельного цвета и выбеленные джинсы, очки в черепаховой оправе закрывали ей пол-лица. Алиса стояла рядом со своей дочерью в кричаще зеленой футболке с логотипом «Марк О'Поло» и огромными подплечниками и являла собой одну громадную копну завитых кудрей. Образ более чем старомодный, подумала Элоиза с улыбкой и пошла дальше на кухню.

Она открыла холодильник: средняя полка была забита коробочками с лекарствами всевозможных размеров и цветов. Препараты, призванные оттянуть неизбежное на дни, часы... минуты. Фишхоф перестал пить таблетки три недели назад. Все меры по продлению жизни давали море побочных эффектов, и в итоге он отказался от всего, кроме холодного пива.

Элоиза взяла с полки холодильника бутылку «Карлсберга» и снова вышла в сад. Она поставила ее на стол перед Фишхофом и села в плетеное кресло рядом с ним.

На его лице мелькнула нервная гримаса.

– Ян, это я, – она побарабанила пальцами по столу, чтобы привлечь его внимание, – Элоиза.

– Элоиза, – тихо повторил он. Он начал кивать, сначала медленно, потом быстрее, так что резиновая трубка от кислородного аппарата стала ходить туда-сюда в его больших ноздрях.

Затем повернул голову и уставился на нее.

---

¹ Алвар Аалто (1898–1976) – финский дизайнер и архитектор, оказал влияние на развитие модернизма в Северной Европе (здесь и далее – прим. пер.).

– Элоиза? – удивленно переспросил он, словно они давно не виделись.

Она улыбнулась и кивнула.

– Как ты сегодня?

Старик поморщился.

– Мысли, мысли, – пробормотал он, махнув рукой.

Элоиза поставила локоть на стол и подперла подбородок ладонью, наблюдая за ним.

– О чем думаешь? – спросила она.

– О том, о сем, о смерти. О том, о сем, о смерти, – повторил он, как будто это была строка из старинного детского стишка, который он только что вспомнил. Он продолжал напевать по слогам. Выпирающие челюсти со стуком отбивали ритм.

Элоиза подвинула бутылку поближе к нему.

– Вот, глотни! Сегодня жарко, и очень важно, чтобы на борту была какая-нибудь жидкость.

Ян Фишхоф потянулся за пивом, опустил палец в горлышко бутылки и быстро вытащил его снова, так что раздался влажный хлопок. Он поднес бутылку ко рту и осторожно сделал глоток.

Элоиза откинулась на спинку плетеного кресла, которое заскрипело, и огляделась. По ту сторону белого забора, окружавшего сад, бежала улица Фон Остенгаде – извилистая мощеная улочка, на которой вдоль старых, крытых соломой домов росли люпины и кусты шиповника. В конце дороги виднелся пролив Оресунд. Историческая часть Драгера была настолько идиллической, что почти казалась нарисованной, и для многих жителей этот район был центром мира.

Для Яна Фишхофа это было даже нечто большее.

Это было место, которое он выбрал, чтобы умереть здесь.

– Рут сказала, ты сегодня повесил нос, – сказала Элоиза, с нежностью глядя на него. – Тебе чего-нибудь хочется? Что бы подняло тебе настроение?

Он опустил взгляд, снова поднял бутылку и на мгновение заколебался, когда она коснулась тонких губ. Затем покачал головой и сделал еще глоток.

– Может, сыграем в карты? Твой врач говорит, что полезно тренировать голову.

Она положила руки на подлокотники и уже была готова встать, чтобы сходить за картами.

Ян посмотрел вниз, на Оресунд. Мгновение он молчал.

– Я когда-то знал девушку, которая жила за водой, – сказал он, – ее звали Клаудия.

Элоиза улыбнулась и снова устроилась поудобнее.

– Ты что, влюбился в шведку?

– Нет, говорю же, она из Глюксбурга. Она была немкой! – Он указал на пролив. – Она работала там летом на каком-то... да, наверно, это был летний фестиваль, которые устраивали для нас, когда я работал в Бенниксгорде.

– Но мы сейчас в Драгере, Ян. А по другую сторону пролива находится Швеция. Не Германия.

Старик сощурил глаза и резко повернулся к Элоизе, как будто собирался ударить ее. Затем по его лицу пробежало облачко, и он отвел взгляд в сторону.

Он медленно кивнул:

– Ну да. Действительно. Швеция.

– Да, я знаю, что ты родился и вырос в Южной Ютландии, но сейчас ты живешь в Драгере, и уже много лет живешь.

Элоиза видела, что он вот-вот снова погрузится в трясину слабоумия.

– Не расскажешь мне немного о Ринкенесе? – спросила она, чтобы помочь ему удержаться на плаву. – Когда вы с Алисой переехали оттуда?

Что-то неопределенное мелькнуло на лице Яна Фишхофа, и он встретился взглядом с Элоизой.

– А твоя дочь? – спросила она. – Напомни, как ее имя?

С силой, удивившей Элоизу, Ян Фишхоф потянулся через стол и схватил ее за руку. Его глаза вдруг округлились, а взгляд заметался от волнения.

– Ты веришь в Бога? – прошептал он.

– В Бога, – повторила Элоиза спокойным голосом. Она мягко высвободилась из его хватки и взяла его за руку. Она стала водить большим пальцем по венам на тыльной стороне его ладони, пытаясь успокоить. – Это сложный вопрос.

Элоиза с детства ходила в Мраморную церковь², и это всегда было ее особое место, ее «островок безопасности». Она никогда не приходила на обычные церковные службы, но бывала в храме по несколько раз в месяц, и ноги всегда вели ее «домой» – на узкую винтовую лестницу колокольни. Там было безопасно и надежно, и много экзистенциальных вопросов возникало, когда она бывала там.

Но Бог?

– Во что-то я, конечно, верю. Между Небом и Землей должно быть нечто большее. То, что придает всему смысл, – сказала она, пожимая плечами. – А ты? Ты веришь в Бога?

Старик вздернул подбородок и сделал глубокий, болезненный вдох. Он крепко зажмурился и слегка покачал головой, но не ответил.

– Я думаю, мы отправимся в какое-то место, когда наше пребывание здесь окончится, – сказала Элоиза. – Назови его Царством Небесным или как хочешь, и я верю, что мы...

– А... ад?

Элоиза склонила голову набок и нежно улыбнулась ему.

– Об этом можешь не беспокоиться, Ян. Может, ты и ворчливый старый бандит, но не более того. Когда ты постучишься во врата на небе, тебе откроют.

– Но говорят, что человека... – его голос стал слабее, а вокруг глаз пролегли морщины, когда тело пронзил болевой спазм, – что человека ожидает возмездие.

Перед мысленным взором Элоизы пронеслось лицо ее отца, и чувство беспокойства шевельнулось у нее в груди.

– Так тебя это беспокоит? – спросила она, инстинктивно отстраняясь от Фишхофа, но не выпуская его руки.

Он кивнул и стал похож на ребенка, который страшится гнева отца.

Элоиза нахмурилась.

– Почему? За что, по-твоему, ты должен ответить?

Старик поднял лицо к небу и быстро, судорожно задышал. Когда он заговорил, слова вырывались горловыми толчками, как будто они шли откуда-то глубоко изнутри и причиняли ему боль, выходя наружу:

– Мадс... Орек.

Элоиза наклонилась вперед, чтобы лучше расслышать его.

– Ты говоришь, Мадс Орек? А кто это?

Ян Фишхоф покачал головой:

– Нет, *Мадс Орек*... *Мадс Орек*.

Его глаза расширились, как будто он увидел перед своим внутренним взором что-то пугающее, и морщины на его лице на мгновение разгладились. Он предостерегающе поднял указательный палец перед лицом Элоизы.

– Это написано в Книге Левит, 24:20.

Элоиза покачала головой.

– Понятия не имею, что это зна...

---

² Мраморная церковь (Церковь Фредерика) – лютеранский храм XVIII–XIX вв., одна из главных достопримечательностей и архитектурных доминант Копенгагена.

– Око за око, Элоиза. Зуб за зуб. Тот же ущерб, который человек наносит другому, должен быть нанесен и ему самому.

Слова потрескивали в воздухе.

– Ян, пожалуйста, объясни мне, что ты...

– Кровь! – Он поднес руку ко рту и зашептал сквозь пальцы – Так много крови, Элоиза, и я... я не могу...

– О чем ты говоришь? Где была кровь?

– На моих руках... на моей одежде... повсюду! – Слезы выступили у него на глазах. – Я думал, что все кончено... но оно остается! Ты должна что-нибудь сделать, я... я не доверяю другим. Они следят за мной, и я боюсь, Элоиза. Ты должна мне помочь. Ты сможешь?

– Я же здесь, Ян, – сказала Элоиза. – Подыши спокойно, а потом постарайся объяснить мне, чего ты боишься.

– Те врата, о которых ты говоришь... – он указал на небо. – Там, наверху!

Солнце закрыла туча, и стало как будто на несколько градусов холоднее.

– Я не уверен, что мне их откроют.

2

Элоиза припарковалась в Вальбю перед маленькой виллой из красного кирпича, принадлежавшей Эрику Шеферу, и пошла по заросшей садовой дорожке к парадной двери. Нажав на кнопку звонка, она ожидала услышать его шаги в прихожей, но единственным звуком, который до нее доносился, было тиканье двигателя, остывающего под капотом ее машины на улице. Она снова позвонила в дверь и несколько раз постучала. Затем, нахмурившись, посмотрела на телефон.

Двадцать минут назад она отправила ему сообщение и спросила, можно ли зайти, и Шефер ответил по обыкновению лаконично – смайликом с поднятым большим пальцем.

Сперва Элоиза убедилась, что его машина стоит под навесом. Затем начала обходить дом, заглядывая во все окна, пока наконец не увидела его на заднем дворе. Он сидел на солнышке в садовом кресле из плетеного пластика песочного цвета и был одет только в красные купальные шорты и шапочку. Живот у него был круглый и волосатый, ноги слегка раскинуты в стороны.

Он не слышал, как она подошла, поэтому Элоиза откашлялась, чтобы привлечь внимание.

Шефер повернул голову на звук.

– А, Кальдан! – сказал он.

– Да, извини, что я вот так подкрадываюсь, но, похоже, звонок не работает. – Она указала на входную дверь. – Я постучалась, но...

– Все нормально. Проходи! – Шефер махнул ей рукой и указал стул. – Не бери в голову!

Элоиза села напротив. Солнце светило ему в спину, и она заметила тонкую золотую цепочку, сверкнувшую у него на шее. Она всегда считала, что он больше похож на патриарха мафиозного клана из Нью-Джерси, чем на следователя из копенгагенской полиции, и сегодня он полностью раскрыл своего внутреннего Тони Сопрано.

– Кофе? – Шефер прищурился от яркого света и кивнул на кувшин, стоявший на садовом столике. – Или вы предпочтете бокал белого вина? Я думаю, что у нас где-то есть бутылка, но не знаю, холодное ли ви...

– Спасибо, ничего не нужно. – Элоиза скользнула по нему взглядом и слегка улыбнулась, встретившись с ним глазами.

Шефер поднял бровь.

– Что?

– Ничего.

– Никогда раньше не видела свининки, что ли? – Он хлопнул себя по животу.

Элоиза провела языком по внутренней стороне щеки.

– Нет, я... я просто привыкла видеть тебя в рабочей одежде, а тут ты вдруг сидишь в плавках с совершенно бандитским видом, – она нарисовала пальцами в воздухе квадрат вокруг него, – не хватает только стриптизерши и сигары.

В ту же секунду жена Шефера поднялась по лестнице из подвала с бельевой корзиной в руках. Ее пышные курчавые волосы были распущены, на ней был черный нейлоновый купальник, который сливался с темной кожей. Лиф был довольно открытый, а на талию она повязала розовый шарф наподобие юбки.

При виде жены Шефер довольно улыбнулся. Он посмотрел на Элоизу и приподнял бровь.

– Как ты говоришь, сигара еще нужна?

Заметив Элоизу, Конни обнажила в восторженной улыбке белоснежные зубы. Она поставила корзину с бельем на траву.

– Элоиза! – удивленно воскликнула она. – Эрик даже не обмолвился, что ты собираешься сегодня зайти.

Словарный запас Конни был близок к совершенству, но произношение было неправильным, и ее речь звучала экзотически певуче.

Элоиза встала и обняла ее.

– Просто это был внезапный порыв, – сказала она. – Мне нужно кое о чем поговорить с твоим полицейским.

– А ты не останешься поужинать? Эрик купил стейки и кукурузные початки для гриля.

Элоиза посмотрела на Шефера, и тот закивал в знак согласия.

– Ты разве не поедешь на работу? – спросила она. – Вроде бы у вас обычно ночная смена по средам?

Он покачал головой:

– Уже нет.

– Ну, тогда... – Элоиза взглянула на часы. Время близилось к шести, никаких планов у нее не было. – Это не слишком обременительно?

Конни рассмеялась, как будто это была самая несурзная вещь, которую она когда-либо слышала, и не успела Элоиза оглянуться, как уже стояла с бокалом шардоне в руке и смотрела, как Шефер переворачивает стейки на гриле. Он сменил шорты на темно-синие джинсы, серую футболку и фартук, на котором была надпись «Их разыскивает ФБР» и девять фотографий угрюмых мужчин и женщин. В левом верхнем углу была фотография Усамы бен Ладена.

– По-моему, это старый список, – сказала она и ткнула Шефера в живот пальцем.

– Вот этот? – Он посмотрел на себя и провел рукой по фартуку. – Сто лет назад я выиграл его на каком-то рождественском розыгрыше для сотрудников участка. Я предполагаю, что их всех уже нет в живых. В смысле, террористов. Не сотрудников.

– Как там дела? – спросила Элоиза, пригубив вина. – В участке?

– Мы теперь относимся к Тегльхольмену³, – сказал Шефер, поворачивая кукурузный початок на решетке.

– О. И как оно?

Он опустил уголки рта и пожал плечами.

– Все в порядке. Августин просочилась в новую оперативную группу, которая занимается делами, связанными с бандами, – сказал он, имея в виду свою бывшую напарницу. – Так что я ее почти не вижу, но в остальном все более или менее как обычно.

– А расследования? Есть что-нибудь особенное сейчас?

---

³ Район в Копенгагене, в котором сосредоточено много промышленных предприятий, штабов и офисов.

– А что значит «особенное» в наши дни? – Шефер встретился взглядом с Элоизой. – Границы того, что считается зверским и извращенным, в последние годы сильно сдвинулись. Но нет, это действительно странно, но в отделе убийств пока тихо.

– Так это же очень хорошо, разве нет? Меньше расследований, меньше убийств?

– Да, это одна сторона, но у меня есть гнетущее ощущение затишья перед бурей. Всегда так бывает, что, когда думаешь, какая хорошая сейчас статистика, – что-то жуткое выползает из тени. – Он немного убавил газ в гриле.

Конни вышла на террасу и принялась накрывать на стол.

– Сколько еще времени потребуется бифштексам, малыш? – спросила она.

– Элоиза предпочитает кремированное мясо, так что ему еще нужно несколько минут, но наши стейки рибай уже готовы, – сказал он и протянул ей блюдо с завернутыми в фольгу бифштексами.

Он снял кукурузные початки с гриля и оставил там последний стейк, надавив на него щипцами так, что он стал шипеть и брызгать соком на раскаленную решетку. Затем Шефер взглянул на Элоизу:

– Так что ты хотела со мной обсудить?

– Наверное, ничего особенного, – сказала она, вертя в руке свой бокал с вином. – Но как ты сказал? У меня тоже есть ощущение, что что-то жуткое собирается выползти из тени.

3

– Как поживает Ян Фишхоф? – спросила Конни и пододвинула салатник к Элоизе. – Ты же все еще навещаешь его?

«У Конни прямо интуиция на такие вещи», – подумала Элоиза. Как будто та инстинктивно чувствовала, что Элоиза пришла именно за этим. Или же она просто прожила с Шефером так долго, что его способность считывать людей передалась и ей.

– Да, навещаю, – сказала Элоиза. – Но я, честно говоря, начинаю жалеть, что втянула в это дело газету.

– Да? Почему же?

– Просто мне на самом деле не очень хочется о нем писать. Слишком это личное.

– Ну что ж, мне очень жаль это слышать. – Между бровями Конни появилась морщинка, и в ее голосе послышалось разочарование. – Тогда мне не следовало поощрять тебя к этому...

– Нет, это очень хорошая идея, Конни. Это по-прежнему отличная идея – написать о Патронажной службе. Люди обязательно должны знать больше о том, что это такое. Но я просто не могу писать о Яне. Просто не хочу.

– О ком речь? – спросил Шефер.

– О Яне Фишхофе, – сказала Конни.

– Кто это?

– Вот! – Элоиза достала из кармана мобильный. Она открыла селфи, которое они с Яном сделали вместе в прошлые выходные, и показала телефон Шеферу.

– На него меня вывела Конни, – сказала она.

Шефер взглянул на фотографию и сдержанно кивнул.

– Важно помнить, что такие отношения не должны становиться слишком близкими, – сказал он, разрезая мясо у себя на тарелке. – Я всегда говорю это Конни.

– Get close, but not too close⁴, – кивнула Конни.

Уже двенадцать лет она была волонтером Патронажной службы. Она бы уже не смогла перечислить поименно всех, кого держала за руку на их смертном одре, и именно она рас-

---

⁴ Будь близок, но не чересчур (англ.).

сказала Элоизе, что по-прежнему много датчан уходят из этого мира в полном одиночестве – без родных, которые побыли бы рядом с ними, без единого друга. Она уговорила Элоизу записаться в службу добровольцем, чтобы написать о своем опыте в статье и таким образом рассказать людям о Патронажной службе. Чем больше людей станут волонтерами, тем меньше людей будет умирать в одиночестве.

Элоиза занялась своим бифштексом. На ее вкус мясо все же было слишком красным, а желто-белый жир, который Шефер с большим удовольствием закладывал в рот, наводил ее на мысли о мыловарении и липосакции.

– Близко или нет, но я все равно поражаюсь, как ты смогла столько лет этим заниматься, – сказала Элоиза, глядя на Конни. – Ведь люди привязываются к тем, с кем проводят это время.

Конни покачала головой.

– Ты так думаешь только потому, что между вами с Яном происходит что-то особенное. It takes two to tango⁵.

– Что ты имеешь в виду?

– Многим старикам сложно принять меня. Ты бы видела их лица, когда я в первый раз захожу в комнату. – Конни широко открыла глаза, и они сверкнули на темном лице, как фары автомобиля. – Боже, спаси и сохрани... *Негритянка?!*

Шефер покачал головой.

– Всегда найдутся те, кому не хватает воспитания, дорогая. Ты же знаешь.

– Да, но я каждый раз поражаюсь. Ведь это люди, находящиеся на пороге смерти. Им одиноко, им страшно, им нужен кто-то, кто побыл бы рядом. Но черная женщина? Нет, такого им не надо. Я тогда даю им время, чтобы они немного привыкли, и большинство в конечном итоге начинают ценить то, что я рядом. Смерть обезоруживает всех – вот как бывает! Но мы не привязываемся друг к другу так глубоко, как ты говоришь, Элоиза. Этого нет.

Элоиза стукнула прибором по столу.

– Прости, но с какой стати ты помогаешь таким негодьям?

Конни слегка улыбнулась и пожала плечами.

– Потому что... они же ничего не могут с этим поделать.

Элоиза откинулась на спинку стула, пораженная всепрощением Конни.

– Ты гораздо человечнее меня.

– Чепуха!

– Да, это так! Я бы их оставляла умирать в одиночестве, этих тупых свиней. Я права? – Элоиза перевела взгляд на Шефера.

– Я не стану спорить, – сказал он.

– Но ведь с Яном Фишхофом тоже довольно сложно общаться, – сказала Конни, – а ты все равно продолжаешь навещать его, так что, возможно, ты можешь вынести больше, чем думаешь.

– Нет, потому что Ян не похож на тех людей, которых ты описываешь. Он немного замкнутый и дерзкий, и, видит бог, не все сиделки его любят, но, когда узнаешь его поближе, он оказывается...

– Да, я знаю, – кивнула Конни. – Он кажется милым. Я стала приходить к нему одной из первых, и он был чрезвычайно вежлив со мной, но не хотел разговаривать. По крайней мере, по-настоящему. Однако смутил его не цвет кожи, в этом я вполне уверена.

– Тогда что же?

Конни пожала плечами и полила кукурузный початок сливочным соусом.

---

⁵ Нужно участие и другой стороны (*англ.*, идиом.).

– Он просто казался таким... как это называется? Сдержанным. Осторожным! Как будто боялся подпустить к себе кого-то. Я думаю, ему было очень тяжело, когда умерла его жена, и с тех пор у него фактически не было никого, кто...

– А как же его дочь, ты что-нибудь знаешь о ней? – спросила Элоиза и добавила: – Он сегодня совсем расклеился, когда я спросила о ней, и стал говорить всякие странные вещи. Похоже, он испугался.

– В каком смысле?

– Он наговорил много бессвязных вещей о библейских карах, крови и прочей жути.

– Крови? – Шефер наострил уши.

– Да, это вообще-то звучало довольно жутко, – сказала Элоиза. Она пересказала им слова Фишхофа, а когда закончила, все тарелки на столе были пусты. Только бифштекс Элоизы остался несъеденным.

– Как ты думаешь, речь шла о преступлении?

Вопрос задал Шефер. Он вытащил из нагрудного кармана футболки пачку сигарет.

– Не знаю, – ответила Элоиза. – По крайней мере, он был вовлечен во что-то, за что теперь боится быть наказанным. Он цитировал строки из Книги Левит. Те, в которых говорится о... А о чем там вообще говорится? О карме? Что то, что ты делаешь другим, к тебе и возвращается?

– An eye for an eye⁶, – кивнула Конни и долила вина Элоизе в бокал. – Наказание за преступление должно быть соразмерным преступлению. Но это такая ветхозаветная вещь. Напомни ему, что есть и обновленная версия, в которой говорится, что нужно подставить другую щеку.

Шефер закурил сигарету, слушая, и откинулся на спинку стула.

– Его прорвало ни с того ни с сего, но я думаю, что это из-за того, что я упомянула его дочь, – сказала Элоиза. – Мы никогда по-настоящему не говорили о ней, а когда я пыталась спросить о ней, он просто уходил от темы. Плясал вокруг да около. Но сегодня я задела его за живое. Это была капля, переполнившая чашу.

– Я помню его дочь, – кивнула Конни и устремила взгляд в пространство, припоминая подробности. – Мы перекинулись с ней парой слов, когда я приходила в первый раз, и я помню, что она живет в Стокгольме или где-то там. Поэтому никто, кроме нас, его и не навещает. У нее нет возможности приезжать издалека, и именно поэтому она связалась с Патронажной службой, чтобы Яну не пришлось быть одному в последние дни. Она замужем за шведом, и, насколько я помню, у нее имя такое же, как у кого-то из группы «АББА».

– Агнета? – спросила Элоиза. – Или Анни-Фрид?

– Нет, я про фамилию. Фамилия в замужестве у нее такая же, как у одного из «АББЫ». Что-то на «У», может такое быть?

– Ульвеус, – сказал Шефер. – Бьерн Ульвеус.

– Да, точно, – Конни указала на него пальцем, – Ульвеус!

– А ты не помнишь, как ее зовут? – спросила Элоиза.

– В бумагах Патронажной службы не написано?

Элоиза покачала головой.

– Ну, я могу попробовать спросить у других волонтеров, может, они знают? – предложила Конни.

– Да, будь добра, – сказала Элоиза и перевела взгляд на Шефера: – И не смогу ли я уговорить тебя сделать мне одолжение?

Он поднял подбородок, уже настоroje.

– Какое?

– Ты не мог бы проверить имя, которое упоминал Фишхоф: Мадс Орек.

---

⁶ Око за око (англ.).

Шефер затянулся сигаретой. Он смотрел на Элоизу, медленно выпуская дым.

– Ну, ты же говоришь, что у Фишхофа деменция, так что вероятность того, что он бредил, довольно высока. Ты ведь понимаешь это?

– Я прошу тебя только сделать быструю проверку. Просто посмотреть, не появится ли какой-нибудь тревожный сигнал на радаре. Мне это нужно для спокойствия.

– Для его спокойствия или твоего?

– Да, – кивнула Элоиза, – я прошу и для себя тоже. После того, что случилось с моим отцом в свое время... – Она долго смотрела на Шефера. – Если я решила быть рядом до конца, мне нужно знать, что я нахожусь возле порядочного человека. Сейчас у меня появились сомнения, от которых я никак не могу избавиться, а ты знаешь, как я реагирую на неожиданности. Мне нужно выяснить, что за скелеты он прячет в шкафу.

Шефер сжал губы и кивнул.

– Я вижу, что тебе хочется full disclosure⁷, и вполне могу тебя понять, – сказал он. – Но я не могу просто войти в систему и начать искать в ней человека, если не ведется следствие и у меня нет причин им интересоваться. Ну, то есть могу, но мне нельзя.

– Почему?

– Потому что таковы правила. Иначе люди только бы и делали, что собирали информацию о соседях, о новом приятеле бывшей жены и так далее. Это нарушение неприкосновенности частной жизни, и это verboten⁸.

Элоиза склонила голову набок и приподняла бровь.

– Ты хочешь сказать, что никогда не нарушал этих правил?

– В прошлом, да. Но тогда это все было не так жестко, как сейчас. В наши дни человека, который смотрит что-то в базе данных, можно отследить по его поисковому запросу, и если кто-то придет и спросит, что это ты тут делаешь, а у тебя не найдется достойного объяснения, ты рискуешь получить на свою голову дисциплинарное взыскание.

– И насколько вероятно, что кто-то действительно придет и спросит?

Шефер не ответил. Он провел ладонью по щетине с довольно громким звуком.

Они с Элоизой смотрели друг на друга, словно соревнуясь, кто первым моргнет.

Элоиза сдалась и откинулась на спинку стула.

– Да ладно тебе, Шефер. Ради старой дружбы?

– Чьей дружбы? – сухо спросил он и бросил огарок на тарелку. – Вашей с этим сумасшедшим стариком? Или нашей с тобой?

Элоиза улыбнулась.

– А какая разница?

---

⁷ Полного раскрытия информации (англ.).

⁸ Запрещено (нем.).

11 июля, четверг

4

Шефер следил за вертолетом глазами, пока вел машину. Это был AS550 «Феннек», принадлежавший копенгагенской полиции, и он летел низко над жилым кварталом вдоль улицы Сортедам Доссеринг, полускрытый баннером магазина «Ирма» и другими рекламными вывесками. Спустя несколько мирных месяцев конфликт между бандитами разгорелся вновь, и накануне ночью прогремело три выстрела. Среди жертв не было гражданских – только уголовники, поэтому пульс у Шефера от этих новостей не подскочил.

Но его бывшая напарница входила в оперативную группу, расследовавшую эти дела, и он знал, что она находится в «железной птице». Он мог живо представить ее: черный боевой костюм на мускулистом теле и повязка на голове в лучших традициях Рэмбо. Лиза, мать ее, Августин.

Шефер улыбнулся своим мыслям. Он почти скучал по ней.

– Известно, кого они ищут? – спросил он, кивая на небо. – Есть подозреваемый?

Следователь по расследованию убийств Нильс Петер Бертельсен, сидевший на пассажирском сиденье, поднял голову и посмотрел в лобовое стекло.

– Какой-то наркодилер, который вчера вечером ликвидировал нескольких конкурентов в пиццерии. Димитрий... как-то там.

Бертельсен щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить фамилию. Затем перевел взгляд на Шефера и поднял брови.

– Слушай, уже ведь пора обедать?

Шефер взглянул на часы на приборной панели.

– Сейчас четверть одиннадцатого.

– Да, но я встал в половине шестого, и у меня уже в животе урчит. На улице Дроннингенс Твергаде есть восточная забегаловка, если заедем туда, я сбегая куплю нам по кебабу.

– Через полтора часа у меня ланч с Микалой Фриис, так что на мою долю не надо, – сказал Шефер.

Встреча, о которой он говорил, была запланирована уже полторы недели назад – ланч с экспертом по составлению психологических портретов и бывшим полицейским психологом Микалой Фриис. Они должны были обсудить детали дела об убийстве, по которому их обоих вызвали для дачи показаний. Его – как следователя по этому делу, ее – как эксперта-свидетеля от прокуратуры.

– Да ну? – Бертельсен посмотрел на Шефера, сощурившись, и задвигал вверх-вниз бровями. – Она, несомненно, с большим нетерпением его ждет.

Шефер нахмурился и перевел взгляд с Бертельсена на дорогу, потом снова на Бертельсена.

– Ты о чем?

– Интуиция следователя, Шефер. – Бертельсен постучал указательным пальцем по носу. – Только не говори мне, что ты не учуял, что пахнет жареным.

Шефер остановился на красный и без всякого выражения смотрел на Бертельсена, пока светофор не переключился на зеленый, а сзади не засигналила черная «Тесла».

Он покачал головой:

– Не понимаю.

– Ну блин, – цокнул языком Бертельсен. – Если ты не понимаешь, что я имею в виду, то ты здорово сдал, старик. Это я тебе точно говорю!

– Отстань, а! – фыркнул Шефер. Он нажал на газ и повернул налево на Дроннингенс Твергаде. – Я же не...

– Вот почему Микала тогда уволилась. Неужели ты не понял? Разве ты никогда не замечал, что она... Эй, тормози, это здесь! – Бертельсен указал вперед через лобовое стекло. – Видишь вывеску с надписью «Bazaar»? Остановись там, я сбегаю за едой.

Шефер подъехал к тротуару и посмотрел на фасад.

«Bazaar» оказался вовсе не маленькой грязной шашлычной с голой лампочкой на потолке, как он себе представлял, а respectable заведением с дизайнерской мебелью и окнами от пола до потолка. Он вмещал добрую сотню человек. Дверь была распахнута, но свет в помещении не горел, и Шефер увидел перевернутые стулья на стойке бара.

– Похоже, они еще не открылись, – сказал он.

– Да, но повара на кухне уже всюю работают, мне здесь обычно быстро готовят заказы навынос. Через десять минут приду!

Бертельсен выскочил из машины и захлопнул за собой дверь.

Шефер пронаблюдал, как он вошел в ресторан и поздоровался с каким-то молодым хипстером в татуировках. Они поприветствовали друг друга, как старые друзья, и вместе исчезли в глубине помещения.

Шефер включил радио и стал переключать каналы, стараясь найти что-нибудь вразумительное, но ему попадались только подростковые песенные страдания, иммигрантский рэп или радиоведущие, смеявшиеся над собственными шутками. Он выключил радио и стал молча наблюдать за уличным движением, обдумывая слова Бертельсена.

Он сдал.

Шеферу не понравилась эта мысль. Если он на что-то и мог полагаться, так это на свое шестое чувство. На интуицию следователя.

Он достал из внутреннего кармана записку и разглядел ее пальцами. Это был розовый стикер, на котором Элоиза записала имя накануне вечером, перед тем как уехала. Он скомкал его в ту же секунду, как за ней закрылась дверь, но ночью около трех часов очнулся от лихорадочного сна и лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию Конни и размышляя о загадочных признаниях Элоизы и Яна Фишхофа.

В половине пятого он встал, спустился на кухню и достал записку из мусорного ведра.

В рассказе Элоизы было что-то такое, что засело у него в уме и теперь точило его мысли.

Око за око... Зуб за зуб... То, что ты делаешь другим, к тебе и возвращается...

Что хотел сказать Ян Фишхоф?

Конни постоянно пересказывала истории, которые слышала в Патронажной службе – исповеди людей, которые на смертном одре испытывали необходимость признаться во всем – от прелюбодеяния до мошенничества. Матери и отцы оплакивали упущенное время, что могли провести с детьми, которые по той или иной причине отвернулись от них. Люди в последние часы жизни рассказывали о жестоких и аморальных поступках, о которых раньше не осмеливались заговаривать.

Они должны были оставить подобные воспоминания в этом мире, прежде чем перейти в иной.

Он достал мобильный и негнушимся указательным пальцем ввел имя в полицейский регистр CPR⁹.

---

⁹ Регистр идентификационных номеров подданных Датского королевства.

5

Где-то под грудой бумаг зазвонил мобильный телефон. Стол Элоизы Кальдан на ее рабочем месте в «Demokratisk Dagblad», как обычно, был завален записными книжками, вырезками и разного рода судебными документами. Клеевыми стикерами, стаканчиками из-под кофе и ручками, которые писали только время от времени.

Она успела ответить, прежде чем звонок оборвался.

– Алло?

– Д-алло! – бодро протрещал голос Шефера на другом конце провода. – У тебя есть минутка?

– Да, если очень быстро, – Элоиза переложила телефон в другую руку и продолжила писать на бумагах, которые готовила, – через три минуты у меня редакционное совещание.

– Хорошо, я только хотел сказать, что проверил имя, которое ты оставила вчера вечером.

– Правда? – Элоиза перестала писать. – Спасибо, Шефер, это очень мило с твоей...

– Да, но я ничего не нашел. Ни в регистре CPR, ни где-либо еще.

У Элоизы упали плечи.

– Но ты говорила, что твой приятель родом из Южной Ютландии, – продолжал Шефер, – поэтому я позвонил одному парню по имени Петер Зельнер, моему знакомому по полицейской академии. Он следователь и живет в Гростене. До середины нулевых в городе был большой полицейский участок, но сейчас он закрыт, и... да, не думаю, что у них в городе вообще есть полиция. Ближайший дежурный офицер сейчас, вероятно, в Сеннерборге, по крайней мере, Зельнер там, так что...

– У меня всего пара минут, Шефер.

– Ну, я спросил, не знает ли он кого-нибудь по имени Мадс Орек, то есть не встречалось ли ему это имя по каким-либо причинам на работе. Да, действительно, сказал он, но человека, о котором он подумал, звали Мазорек. Не Мадс Орек.

Шефер произнес имя по буквам, и Элоиза записала его на клочке бумаги.

– Это по-немецки или по-польски или что-то в этом роде, так что, может быть, ты неправильно поняла Фишхофа, и поэтому я ничего не смог найти в архивах?

– Вполне вероятно. – Элоиза прикусила губу, размышляя над тем, что сказал Шефер. – Так это фамилия, говоришь? Мазорек – с ударением на первый слог?

– Мазорек, да. Том Мазорек. Он из Ринкенеса.

– Ладно, по крайней мере, место совпадает. Там родился и вырос Ян Фишхоф. Что ты можешь рассказать об этом человеке?

– Немного. Я не углублялся в детали, но вижу, что он погиб в 1998 году и что он...

– Значит, дело *есть*? – Элоиза выпрямила спину.

– Нет, там был какой-то несчастный случай. Похоже, здесь не за что зацепиться.

– Но кем же он был? У вас есть что-нибудь на него?

– Только старое досье. Речь там идет о беспорядках в баре, уличной драке, неоплаченных штрафах за парковку – по мелочам. Мой знакомый сказал, что его никогда не брали на мушку за какие-то серьезные преступления.

Журналист Могенс Бетгер прошел мимо Элоизы и легонько постучал по столу. Он указал на конференц-зал и сделал ей знак, что пора закругляться.

– Шефер, мне пора, но я хотела спросить: мне можно ознакомиться с этим досье?

– Нет, нельзя, маленькая любознателька, сама знаешь. Но если применишь свои журналистские умения, можешь посмотреть свидетельство о смерти на веб-сайте Национального архива. Тебе будет нужно 1 августа 1998 года.

Элоиза не смогла сдержать улыбки. Она повесила трубку, взяла ноутбук под мышку и направилась в конференц-зал.

6

– Ну что ж!

Могенс Бетгер, редактор группы, пишущей об экономических преступлениях, хлопнул в ладоши и оглядел собравшихся. Шестеро журналистов сидели вокруг большого стола для совещаний. Единственным, кто остался стоять, был Бетгер. Его недавно подстриженные темные волосы были красиво уложены, костюм плотно облегал двухметровое, натренированное йогой тело.

– Думаю, нам пора обсудить текущее положение дел. Главный редактор хотел бы получить свежую информацию о том, над чем мы сейчас работаем. Как дела с Ибицей, Бо?

– После обеда у меня будет готов черновик, – сказал журналист Бо Рефслунд, указывая на стоявший перед ним компьютер. – Я все еще жду комментариев от банка, но у них было двадцать четыре часа, чтобы ответить на мой запрос, а я до сих ничего не получил. Так что, думаю, можно запускать историю и не давать им лишнего времени, чтобы развеять дым.

Речь шла о директоре филиала «Дэнске Банк» в Хольте, который купил летний домик на Ибице на деньги, неизвестно откуда взявшиеся. На волне крупнейшего в датской истории скандала с отмыванием денег «Дэнске Банк» сейчас меньше всего нуждался в новых разгромных статьях в прессе и в недобросовестных сотрудниках.

– Отлично! Я готов помочь с текстом, как только у тебя появятся наметки, – сказал Бетгер. Он обратился к следующему репортеру, и Элоиза перестала слушать.

Она открыла компьютер и вошла на сайт Национального архива, где через пару минут нашла свидетельство о смерти Тома Мазорека. Она нажала на ссылку, и на экране появился отсканированный документ из архива.

Элоиза пробежала глазами по странице.

Сверху было указано, что это свидетельство о смерти, выданное патологоанатомом. В правом углу стояли имя и идентификационный номер Мазорека, а слева была колонка стандартных вопросов. Ответы были вписаны шариковой ручкой, с наклоном и размыто.

Элоиза прищурилась и попыталась разобрать слова.

Полное имя: Том Мазорек.

Род смерти: несчастный случай.

Причина смерти: недостаток кислорода при утоплении.

Пятна на теле, окоченение, гниение: нет, нет, нет.

Место смерти: Ринкенес, 6300, Гростен.

Дата смерти: 1 августа 1998 года.

Мазорек родился 12 мая 1951 года и на момент смерти был зарегистрирован в Ринкенесе, маленьком городке в районе Гростена, расположенном на Фленсбургском фьорде примерно в двадцати километрах от границы с Германией. Больше в свидетельстве о смерти ничего не говорилось.

Элоиза открыла новую вкладку и на мгновение задумалась, где бы найти дополнительную информацию об этом несчастном случае. Она вошла в «Инфомедиа» – базу данных, куда попадает большая часть публикаций в СМИ. Новости, интервью, письма в редакцию, заметки из всех датских СМИ – все, чего не найти при помощи обычного поискового запроса.

Она ввела имя Тома Мазорека в поисковую строку и нажала «ввод».

Появилось три результата, и она нажала на первый – короткое сообщение из «Еженедельника Гростена» от 3 августа 1998 года.

Несчастный случай со смертельным исходом во Фленсбургском фьорде

В среду вечером Фленсбургский фьорд унес жизнь еще одной жертвы, когда моторная лодка марки Нимбус 3000 затонула у Страндерета в Гростене.

«Еженедельник Гростена» взял интервью у ресторатора Курта Линнета, 51-летнего очевидца этого трагического происшествия.

«Только что я видел, как лодка огибает мыс, а в следующее мгновение она превратилась в огненный столб. Я позвонил в полицию, и они сразу приехали, но, к сожалению, было уже поздно», – сказал он, указывая на фьорд со своей террасы, где он находился в тот роковой вечер.

Шкипер, местный житель, 47-летний Том Мазорек, оказался в воде в нескольких сотнях метров от берега. По данным следствия, причиной пожара стал неисправный двигатель. Том Мазорек – третий утонувший в Гростене всего за два года.

Родственники проинформированы.

Элоиза сделала скриншот статьи и нажала на следующую ссылку из «Инфомедиа». Это было сообщение на сайте Afdøde.dk, некролог, опубликованный в «ЮдскеВесткюстен» через несколько дней после смерти Мазорека.

Наш дорогой сын и брат

Том Мазорек

* 12 мая 1951 † 1 августа 1998

был отнят у нас слишком рано.

В сердцах и в памяти навеки с нами.

От имени семьи,

Рената и Кьельд.

Элоиза записала имена родственников, а затем нажала на третий и последний результат поиска из «Инфомедиа». Это была статья из «ЮдскеВесткюстен» от 4 июня 1997 года, то есть опубликованная за год до происшествия. Сначала она не поняла, почему он появился в результатах поиска, но потом заметила имя Мазорека на некотором расстоянии от начала текста и стала читать.

Юная жительница Гростена объявлена в международный розыск

Полиция Южной Ютландии разослала через Интерпол ориентировку на 19-летнюю Мию Сарк, которая числится пропавшей без вести с субботы. Показания направляют следствие в южном направлении.

Последний раз молодую женщину видели в пятницу 31 мая в таверне «Оловянный солдатик» в Гростене, куда она прибыла в компании друзей в одиннадцать часов вечера. Ночью она вышла из здания одна, предположительно, чтобы подышать свежим воздухом, и с тех пор ее никто не видел.

Сотни добровольцев искали Мию Сарк в окрестностях Гростена. Один из них – местный житель Том Мазорек. Это один из немногих свидетелей, которые дали полиции конкретную информацию.

«Мы видели, как девушка покинула «Оловянный солдатик» той ночью, и, поскольку никто ее не видел с тех пор, все, кто был там, конечно, стали обсуждать, что же с ней могло случиться, – сказал он «ЮдскеВесткюстен». – Еще раньше вечером мы заметили человека, сидевшего в баре – лысого мужчину в кожаной куртке. Он не говорил по-датски и, похоже, был один. Те, кто часто бывает в этом месте, никогда не видели его раньше, и впоследствии мы, конечно, задавались вопросом, может ли он иметь какое-то отношение к этому делу», – сказал Том Мазорек.

Полиция подтверждает, что несколько местных жителей дали показания, в которых упоминается мужчина из бара.

«Само собой, когда незнакомец появляется в городе в то же самое время, как исчезает молодая девушка, мы задаемся вопросами, – сказал ведущий следователь этого дела Петер Зельнер из полиции Южной Ютландии. – Но мы знаем также, что через город проезжает много грузовиков в сторону границы, и водители часто останавливаются здесь, чтобы поесть или поспать, прежде чем ехать дальше. Поэтому мы не можем делать никаких выводов из той скудной информации, которой располагаем. Тем не менее это, конечно, зацепка, мы относимся к ней серьезно и работаем в этом направлении. Именно поэтому мы связались с немецкими властями и объявили девушку в международный розыск по каналам Интерпола».

Мия Сарк имеет среднее телосложение, длинные темно-каштановые волосы, рост 165 сантиметров. Последний раз ее видели в черном свитере «Сен-Тропе», светло-голубых джинсах «Левайз» и черных сандалиях «Бьянко».

Полиция просит всех, кто располагает информацией об этом происшествии, связаться с властями по адресу...

– Кальдан?

Элоиза оторвала взгляд от экрана.

Все присутствующие в комнате смотрели на нее, а Могенс Бетгер выжидающе улыбался.

– Как дела с Патронажной службой? Ты уже дописала статью?

– Э, нет. Еще нет, – ответила Элоиза, стараясь избежать пристального взгляда Бетгера.

Прошел месяц с тех пор, как штат газеты снова сократили, третий раз за последние два года. Сотрудников заранее предупредили, что двадцать восемь рабочих мест будут урезаны, и все готовились к своей очереди паковать вещички и обновлять профили на «LinkedIn». Когда этот день настал, Карен Огорд, бывшая редактором группы последние пять лет, вылетела первой. Она приняла увольнение стойко: крепко пожала руки всем по очереди и попрощалась. Ей было пятьдесят семь, и она осталась безработной в отрасли, где сотрудники становились все моложе, а рабочие дни – все длиннее.

Элоиза, как и Бетгер, осталась на плаву. Но главный редактор Миккельсен передал бразды правления именно ему, и это повышение нарушило баланс в их с Элоизой отношениях – отношениях рядовых пехотинцев. Теперь при виде него люди наклоняли головы. Он отдавал приказы, подписывал директивы и делал выговоры. Элоиза сама хотела получить это место – вот где была зарыта собака. Она просто не могла смириться с тем, что Бетгер теперь имеет над ней власть.

– Значит, статья еще не закончена? – Он нахмурился. – У тебя было несколько недель, чтобы написать ее. В чем дело?

– Но я же не писала в это время ничего постороннего, – возразила Элоиза.

– Да, и большое спасибо за это. Ну а со статьей-то все-таки что?

– Появилась кое-какая информация, которую я хотела бы получше изучить, прежде чем продолжить писать.

– А разве человек, с которым ты видишься, не при смерти?

– Да, но я думаю, что там может скрываться более серьезная история.

– Какая же?

Элоиза колебалась.

– Я нашла несколько статей о несчастном случае со смертельным исходом, которые хотела бы изучить. Я думаю, может быть, Ян Фишхоф что-то знает об этом.

Все сидевшие за столом подняли головы.

– Несчастный случай со смертельным исходом? – повторил Бетгер.

– Да. В Южной Ютландии погиб человек, и я...

– Это сейчас произошло?

– Нет, в 1998 году. Я пока мало что знаю об этом, но думаю, что за этим что-то скрывается. У Фишхофа есть дочь, которая может помочь пролить свет на это происшествие...

– Хорошо, но этим ты займешься в другой раз. – Бетгер взглянул на доску, на которой был записан план статей на следующую неделю. – Прямо сейчас нам нужна статья о Патронажной службе. Как ты думаешь, когда у тебя будет уже что-то готово?

– Ян Фишхоф еще жив, – сказала Элоиза. – Может, подождать с этой статьей, пока он...

– Нет, мы сделаем серию статей. Патронажная служба: часть первая, вторая и третья. Первая встреча – знакомство со службой. Как там все организовано, как стать волонтером – все в этом роде. Затем статья о ваших отношениях, о связи, которая формируется между волонтером и умирающим, о последних днях и так далее. А потом, в конце, грандиозный финал, последнее прощание. Сможешь подготовить первую часть к началу следующей недели?

Элоиза без выражения смотрела на Бетгера, который ждал ее ответа, подняв брови.

– Кальдан? В понедельник?

Элоиза прокашлялась.

– Как я уже сказала, я бы хотела побольше разузнать про эту смерть, но есть и еще одно событие, о котором я только что узнала. Молодая девушка исчезла в...

– Да, но, как я уже сказал, сейчас не время для этого. Если это старое дело, то оно никуда не денется. Обязательно договорись с фоторедактором по поводу этого Фишхофа. Кстати, это нужно обговаривать с Патронажной службой? Мы можем там фотографировать, они не против?

Элоиза не ответила.

– Хорошо! – сказал Бетгер. – Значит, условимся, что черновик первой части будет готов в понедельник, и я тогда зарезервирую место в газете на среду. – Он кивнул собравшимся: – Я думаю, на этом закончим. Хорошего рабочего настроения, ребята!

Журналисты начали вставать и неторопливо выходить из переговорной.

Элоиза сидела на месте.

Когда они остались одни, Бетгер взглянул на нее, подняв брови:

– Нам о чем-то надо поговорить?

Элоиза встретила с ним глазами.

– Я думаю, что не смогу написать такую серию статей.

Вертикальные морщинки на его лбу проступили четче.

– Почему?

– Потому что... – Она глубоко вздохнула и заерзала на стуле. – Я не хочу этого делать.

– Не хочешь?

– Нет.

Бетгер рассмеялся:

– Ты что, издеваешься?

– Нет, не издеваюсь.

Элоиза выдержала его взгляд, и между ними возникло непривычное напряжение. Выражение лица Бетгера было трудно разгадать, его лицо словно застыло, улыбка исчезла. Он провел языком по губам и развел руками.

– Что происходит?

– Происходит то, что я тебе рассказываю, что нашла историю, а ты ее разворачиваешь. – Она покачала головой. – Раньше ты бы никогда этого не сделал.

– Но мы уже договорились, что ты напишешь о Патронажной службе, поэтому...

– И что меня больше всего изумляет, так это то, что тебе даже *не интересно*, о чем я пытаюсь рассказать.

– Ладно, давай! – Он прислонился к стене и скрестил руки на груди. – Что ты хочешь рассказать? Я слушаю!

Элоиза подробно пересказала то, что сказал Ян Фишхоф, и рассказала о звонке Шефера по поводу Тома Мазорека.

Бетгер пожал плечами.

– И?

– Мадс Орек, Мазорек, – сказала Элоиза. – Какова вероятность, что Фишхоф имеет в виду кого-то другого, а не его, Тома Мазорека? Они из одного и того же маленького городка – это *должен* быть он. Думаю, в этом стоит разобраться.

– Да, полиции, может быть. Но где здесь журналистский интерес?

– Ян Фишхоф сказал, что боится возмездия из-за него, Мазорека, так что, если он каким-то образом был причастен к его смерти, то...

– То наши читатели будут к этому совершенно равнодушны. Это дело полиции, и тому прошло уже больше двадцати лет.

Элоиза вздернула подбородок и прищурилась.

– Куда подевался автор расследований Могенс Бетгер?

– Блин, о чем ты вообще говоришь? – Он с раздражением всплеснул руками. – Это дело, которым ты заинтересовалась *лично*. Оно не имеет никакого отношения к журналистской работе.

– Господи, ты начинаешь говорить как Миккельсен! – Элоиза кивнула в сторону кабинета главного редактора в дальнем конце здания.

– Да, это довольно забавно, когда на тебя ложится новая ответственность. Мы не можем потакать всем своим капризам, потому что есть бизнес, который надо поддерживать в рабочем состоянии. Мы здесь для того, чтобы продавать газеты, ты же это понимаешь?

– Представь, а я думала, что мы здесь ради хороших статей.

– Замкнутый круг, Кальдан. Если нет читателей, то кто прочтет твою статью?

– Знаешь, что я думаю, Могенс? – Элоиза оглядела его с головы до ног. – Я думаю, что повышение ударило тебе в голову.

– Ударил в голову?

– Именно.

– Ого! – Улыбка Могенса Бетгера была безрадостной. Кадык, выступавший на горле, несколько раз поднялся и опустился. – Здравствуй, Янте!¹⁰ Вот уж не ожидал от тебя.

---

¹⁰ Отсылка к роману «Беглец пересекает свой след» (1933) норвежского писателя А. Сандемуса. *Янте* – вымышленный город, населенный ярыми приверженцами социального равенства.

Элоиза отвела взгляд в сторону.

Ее комментарий был слишком резким, она прекрасно это понимала. Но не смогла сдержаться.

– Ну что же, я, похоже, должен проявить настойчивость, – сказал Бетгер. – Бросай эту историю и сосредоточься на Патронажной службе – без разговоров, все! Крайний срок – понедельник.

Он повернулся, собираясь уйти.

– Значит, я ухожу в отпуск, – сказала Элоиза.

Бетгер остановился и посмотрел на нее через плечо:

– Что-что?

– В отпуск.

Она встала и захлопнула ноутбук.

– За последние три года я не брала отпуск больше чем на пару дней, так что сейчас я возьму неделю. Если это проблема, то увольняй меня.

Могенс Бетгер долго смотрел на нее. Затем повернулся и вышел.

7

Телефон в маленьком домике в Драгере прозвонил трижды, прежде чем сняли трубку, и Элоиза сразу узнала тоненький голос Рут.

– Он не спит? – спросила она и закрыла дверь в конференц-зал, чтобы не мешал офисный шум. Рут со стуком отложила трубку, и Элоиза услышала, что она громко и отрывисто говорит что-то Фишхофу, так, будто болезнь поразила уже не только его легкие и ум, но и слух. Послышалось еще какое-то дребезжание, а затем на другом конце провода раздался хриплый голос Яна Фишхофа:

– Элоиза?

– Привет, Ян. Как ты себя чувствуешь сегодня?

– Превосходно! – ответил он сухо и быстро. – Рут уже не так мелочится с пивом, как раньше.

Рут на заднем плане начала возражать, и Элоиза улыбнулась, одновременно открывая на своем компьютере файл со свидетельством о смерти.

– Ян, слушай: я звоню, потому что думала над тем, что ты сказал вчера.

На другом конце провода было тихо. Было слышно только дыхание Фишхофа.

– Того человека, о котором ты мне рассказывал, звали Том Мазорек?

– Нет, Элоиза, нет, я не могу. – Голос Яна Фишхофа понизился до шепота: – Забудь, что я вчера сказал. Кажется, я наговорил каких-то глупостей.

– Но это тот, о ком ты...

– *Забудь* об этом, говорю тебе. Забудь это имя! Это... это уже в прошлом. – В его скрипучем басу слышалось сомнение.

– Чего ты боишься, Ян? Если ты поделишься со мной, я смогу помочь.

Ян не ответил.

– Это из-за твоей дочери? – спросила Элоиза. – Она имеет какое-то отношение к этому всему?

Сначала ей показалось, что зазвучал тихий смех. Когда Фишхоф заговорил, Элоиза поняла, что он плачет.

– Ты не можешь мне помочь, – проговорил он. – Никто не может. Уже слишком поздно. Слишком поздно.

– Не бывает слишком поздно, – возразила Элоиза. – Но нужно, чтобы ты рассказал мне, что произошло между тобой и Мазорек и почему ты так боишься его. Он не может прийти

за тобой, если ты этого опасаясь. Я прочитала в архивах новостей, что он умер в 1998 году, а когда я набираю в поиске его имя, появляется только несколько некрологов и одна статья о девушке, которая исчезла в таверне давным-давно. Так что, если ты расскажешь мне о...

– Ты имеешь в виду Мию? – всхлипнул он тихо в трубку.

Элоиза несколько раз мигнула.

– Да, – кивнула она. – Ее звали Мия.

– Если ты начнешь в этом копать, они придут за нами. За нами обоими!

– Тебе что-то известно об этом, Ян?

– Они придут за нами. Они придут... Они... придут, – повторил он как-то отрывисто, словно пытаюсь одновременно говорить и зевать. Его голос звучал по-детски удивленно и вместе с тем сонно. – Они придут... под тканым плащом, с огнем и копьем, с большими глазами навывкат.

Элоиза нахмурилась.

– О чем ты говоришь? С огнем и копьем?

– В ящиках комода, Элоиза. Они копались там. Я вижу это. Они украли мои документы, да, они забрали их! Они унесли мои бумаги с собой!

– Нет, Ян, стой! Не пропадай!

Элоиза знала, что он отключается. Уже не первый раз она наблюдала, как он в считанные секунды превращается из здравомыслящего человека в лунатика.

Она держала ручку над блокнотом.

– Расскажи мне о Томе Мазореке.

Тишина.

– Алло? Ты здесь? – Элоиза повысила голос, чтобы докричаться до него: – Ян?! Алло?

Ответа не было очень долго. Потом она услышала голос Рут:

– Элоиза? Вы еще тут?

– Да, что случилось? Где Ян?

– Сидит в своем кресле. Он положил телефон на колени.

– Он заснул?

– Нет, не думаю. Ты спишь? Ян?.. Нет, не спит, но он сейчас не в себе. Я думаю, ему нужно побыть в покое, так что если вы...

– Кто-нибудь заходил сегодня в дом, Рут?

– В дом? Что вы имеете в виду?

– Он сказал, что кто-то украл какие-то вещи из ящиков – что-то про какие-то бумаги.

Рут цокнула языком.

– Он бредит! Вы же знаете. Вчера он заявил, что из телефона раздаются подозрительные звуки, и настоял, чтобы его прослушивали. Сегодня утром заартачился из-за почтальона. Здесь никого не было, кроме меня.

– Просто скажите ему, что никто за ним не придет и что ему не следует бояться.

– А кого ему бояться? – фыркнула Рут, и в ее голосе прозвучали тревога и раздражение. – Здесь же никого нет, кроме меня.

– Просто скажите ему, что я все улажу, чтобы он не волновался, ладно? Скажите ему это!

– Да, конечно. – Рут помолчала мгновение. – Вы придете сегодня?

– Нет, я... – Элоиза колебалась. – В ближайшие дни меня не будет в Копенгагене, так что, если что-то случится, позвоните мне, хорошо?

– Что-то стряслось?

– Нет, но я постараюсь разобраться со всем этим. Выяснить, что именно мучает Яна.

– Ну нет, вам обоим пора уже заканчивать с фантазиями о грабителях. Он понятия не имеет, что говорит. Лучше приходите сюда и...

– Нет, – ответила Элоиза. – Я знаю, вы думаете, что это я удерживаю его на этом свете, но я начинаю думать, что это что-то другое. Я думаю, он отказывается выписываться из этой жизни, потому что боится возмездия.

– Возмездия?

– Да. Расчета. С высшими силами.

– Но... это же глупо! – рассмеялась Рут.

– Разве? Вы ведь сами говорите, что наша работа – делать все возможное, чтобы облегчить людям горе расставания с жизнью. Что наша работа – отправлять их в путь достойно.

Элоиза истолковала молчание Рут как согласие.

– Именно это я и стараюсь сделать.

8

Элоиза быстрыми шагами прошла через редакцию и спустилась на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Она открыла дверь в Исследовательский отдел и оглядела комнату. За самым большим столом сидел Мортен Мунк, человек-гора. Перед ним было два экрана и две клавиатуры, и он печатал на них обеих одновременно, делая округлые, как у пианиста, движения своими толстыми, будто огурцы, пальцами.

– Эй, Мунк?

Офисное кресло повернулось на звук. Солнечный свет, врывавшийся в открытые окна, нещадно слепил Мунка. Ему было тридцать лет, но натянутая кожа придавала ему моложавый вид, так что Элоиза легко могла себе представить, как он выглядел в детстве.

– Мисс Дания! – произнес он с придыханием и так широко улыбнулся, что глаз стало не видно за большими щеками. – Что привело вас сюда?

– Мне нужна твоя помощь, и дело довольно срочное, так что если ты займешься им прямо сейчас, я буду тебе должна самый большой на свете джин-тоник.

Мунк повернулся на кресле и занес руки над клавиатурой.

– Что требуется?

– Мне нужен номер телефона и адрес одной женщины. Она датская подданная – по крайней мере, была – и, насколько мне известно, живет сейчас в Стокгольме.

– Имя?

– Имя неизвестно, фамилия – Ульвеус.

– Есть дата рождения?

– Нет.

– Ну хотя бы примерно, сколько ей лет?

Элоиза вспомнила семейную фотографию в гостиной Фишхофа. Выбеленные джинсы дочери, замшевую куртку, огромные подплечники кричащей блузки Алисы.

Она покрутила рукой.

– В начале девяностых она была подростком, так что я предполагаю, она моего возраста, может быть, на пару лет старше. Ее последнее место жительства в Дании, вероятно, Драгер.

Она дала ему адрес Яна Фишхофа.

Мясистые пальцы Мунка танцевали по клавиатуре, пока он насвистывал мелодию из «Мамма Миа».

– Что-нибудь еще? – спросил он.

– Да, найди все, что сможешь, о Томе Мазореке. – Элоиза продиктовала его идентификационный номер. – Он погиб в 1998 году в результате несчастного случая на Фленсбургском фьорде, и мне нужно знать, кем он был, где работал, каково было его семейное положение. Все, что угодно, что окажется в доступе.

Мунк кивал и печатал.

– Искать. Искать, – проговорил он. – А зачем это все?
– Да, вот об этом тоже пара слов. – Элоиза обернулась. Никто из других журналистов, казалось, не замечал ее присутствия.
Она снова повернулась к Мунку:
– Не говори ничего Бетгеру.
Левая бровь Мунка изогнулась дугой. Он откинулся на спинку кресла и легонько посту- чал кончиками пальцев друг о друга.
– Ага, так. Тут какая-то драма?
– Нет, драмы нет, но Могенс теперь шеф, а это меняет правила игры. Так что будем работать в стиле ниндзя, хорошо? Абсолютная тишина!
Мунк вытянул губы и закрыл их на замок невидимым ключом.
Элоиза поцеловала его в лоб и вышла из редакции.

9

Треугольные бутерброды стояли в ряд в холодильнике в «Pret-a-Manger» в аэропорту Копенгагена. Элоиза взяла один с ветчиной и сыром и встала в очередь к кассе. Она расплати- лась, положила бутерброд в сумку и уже направилась к выходу, когда зазвонил телефон. Она вытащила его из кармана одной рукой, потому что другой тащила за собой чемодан на коле- сиках.

Это было сообщение от Мунка.

Элоиза остановилась посреди оживленного терминала и открыла сообщение. В нем было три ссылки, и она нажала на первую. Там было свидетельство о смерти Тома Мазорека – то самое, которое она сама нашла в сети. По следующей ссылке открывалась карта Ринкенесе, где Мунк отметил последний адрес проживания Мазорека, а по третьей – краткое описание его трудовой деятельности.

Взгляд Элоизы заскользил по тексту.

С 1985 по 1988 год он работал носильщиком в больнице Сеннерборга. Следующие несколько лет проработал на кирпичном заводе в Эгернсунде, а после этого в течение долгого времени его доход никак не регистрировался. Во всяком случае, Мунк ничего не смог найти, даже государственных пособий. Также отсутствовал адрес проживания в 91-м и 92-м годах, но в январе 1993 года Мазорек снова появился в системе, и до самой своей смерти часть вре- мени он работал на скотобойне Бланса, часть – занимал неопределенную должность на некоем «Бенниксгорде». Последние пять лет своей жизни он прожил в Ринкенесе.

Элоиза подняла глаза и стала смотреть в зону дьюти-фри, ни на чем конкретном не фоку- сируясь.

Бенниксгорд?

Она припоминала, что Фишхоф несколько раз упоминал это место. Он там работал? Она знала, что он работал с животными. Что-то связанное с сельским хозяйством.

Она открыла браузер и зауглила название. Оказалось, что «Бенниксгорд» – это четырех- звездочный отель в Ринкенесе с гольф-клубом на восемнадцать лунок и с видом на Фленсбург- ский фьорд. Игроки в гольф, по-видимому, приезжали туда со всех концов света, чтобы насла- диться настоящей датской идиллией, а местные жители устраивали там свадьбы, крестины и студенческие праздники.

Элоиза нахмурилась.

Это не соответствовало тому, что она знала о Яне Фишхофе. Он был из тех, кто копает канавы, забивает гвозди и сам выращивает себе ужин. Он не зарабатывал тем, что таскал клюшки для гольфа за богатыми туристами или раскладывал шоколадные пастилки на гости- ничных подносах, в этом она была уверена.

Входящий звонок из ФэйсТайм прервал размышления Элоизы. Она ответила на него и улыбнулась, увидев Герду Бендикс.

– Я не помешала? – спросила Герда. Связь немного барахлила, но все равно было видно, как она светилась, ее взгляд был ясным и игривым.

Недавно лучшая подруга Элоизы впервые за более чем тридцать лет пошла навстречу жизни с жадой и любопытством, которые копились в ней годами. Это украшало ее, считала Элоиза. Герда всегда была до того красива, что автомобили на улицах сталкивались паровозиком при ее появлении, но сейчас казалось, что развод с Кристианом сделал ее на десять лет моложе. Ее внутренний свет сиял ярче, чем когда-либо, в то время как злые языки в кругу знакомых докладывали, что он, в свою очередь, словно на десять лет постарел.

– Ты никогда не мешаешь, – сказала Элоиза, направляясь к выходу на посадку. – У тебя все в порядке?

– Да, все хорошо. У меня перерыв между клиентами, и я просто хотела тебя услышать. А как ты, чем занимаешься? Я вижу, ты не в газете.

Элоиза повернула телефон так, чтобы Герде был виден торговый сектор Копенгагенского аэропорта.

– Куда ты летишь?

– Это длинная история – или... на самом деле она настолько короткая и неопределенная, что даже я сама толком не знаю, в чем она заключается. Ян, у которого я волонтерю в Патронажной службе, рассказал мне кое-что о старом деле в Южной Ютландии, которое, как мне кажется, стоит изучить поподробнее.

– Что за дело?

– Все немного запутано, но я думаю, что ему страшно прощаться с жизнью и что у него поэтому... – Элоиза вдруг подумала о чем-то и перебила сама себя: – Слушай, а бывает такое, что военные пишут прощальные письма, когда их отправляют в горячие точки?

Герда работала психологом-реабилитологом в Вооруженных силах и ежедневно бывала в казармах Сванемеллен. Несколько раз ее саму посылали в зоны боевых действий.

– Да, все так делают, когда им предстоит уезжать, – сказала Герда. – Те разы, что я бывала в Афганистане, я писала прощальные письма и тебе, и Лулу, и маме. В свое время, конечно, и Кристиану тоже.

– О чем пишут в таких письмах?

– Это очень разнится от человека к человеку. Я обычно писала о том, как сильно люблю вас и что вы не должны слишком убиваться, если я не вернусь домой. В письмах к Кристиану я еще писала вещи, которые... ну ты знаешь, вещи, которые я на тот момент не хотела уносить с собой в могилу. Все недосказанное. Тайное.

Элоиза медленно кивала.

– А почему ты спрашиваешь?

– Я подумала, что людям бывает необходимо облегчить сердце перед смертью.

– Ты имеешь в виду, признаться в чем-то сокровенном?

– Да, или... – Элоиза колебалась. – Исповедаться в своих грехах. Похоже, Ян нуждается в отпущении.

Герда нахмурилась.

– За что же?

– Не знаю. Может быть, это то, о чем ты говоришь: недосказанное, тайное. По крайней мере, мне кажется, что что-то в его прошлом осталось непроработанным, и я хотела бы попытаться облегчить для него это бремя. Плюс... – Элоиза пожала плечами, – ты же меня знаешь. Я должна выяснить, в чем дело.

– Хм, – произнесла Герда с таким видом, словно собиралась высказать все накопившиеся мысли. – Будь осторожна, ладно?

– Я всегда осторожна.

– Да, но все же. В течение нескольких месяцев ты все сильнее привязывалась к человеку, который годится тебе в отцы и на которого ты, *можно* так предположить, проецируешь свое собственное прошлое и свои собственные непрожитые чувства.

– Да, да, – сказала Элоиза, борясь с желанием закатить глаза. – Я знаю, как это выглядит, и, конечно, ты права – *действительно* права! Но дело в том, что... – Она глубоко вздохнула и улыбнулась. – Он просто так мне *полюбился*! И мне просто нужно убедиться, что я не ошибаюсь в нем.

Герда открыла рот, и на мгновение показалось, что она хочет сказать еще что-то, но она промолчала и сжала губы.

– Хорошо, – кивнула она.

– Хорошо, – сказала Элоиза тоном, который давал понять, что этот вопрос не обсуждается. Сегодня она бы не вынесла сеанса психоанализа.

– Так куда, ты говоришь, ты едешь?

– Я скоро вылетаю в Сеннерборг, чтобы...

– В Сеннерборг?

– Да. Ян родился и вырос в Южной Ютландии, – сказала Элоиза.

– А Томас сейчас живет не там же?

– Какой Томас?

Герда снисходительно улыбнулась.

– *Какой* Томас? Ну ты даешь!

– Ты имеешь в виду О'Мэлли?

– А что, есть другие?

– Ох, да, Герда. В мире есть и другие люди по имени Томас.

– Только не в *твоем* мире.

– Ну, я не знаю. – Элоиза опустила глаза и слегка улыбнулась. – Я не видела Томаса Маллинга с тех пор, как он уехал в США, а это было уже... сколько? – семь лет назад.

– А сейчас он разве живет не в Сеннерборге?

– Да, ну, наверно, – ответила Элоиза, на самом деле нисколько в этом не сомневаясь. Она перестала следить за тем, что делает Томас и где он вообще обитает, потому что каждый раз, когда она решала загуглить его имя или как-то иначе насыпать соль на рану, ей плохо спалось, и она просыпалась с ощущением стеснения в груди, как будто сердце было перетянато резиновой лентой.

Она села на скамейку у выхода на посадку и стала смотреть на взлетную полосу, где готовился к отправлению «Аэробус А380» авиакомпании «Эмирейтс». Последний раз, когда она видела О'Мэлли, как его звали со времен учебы, они стояли в нескольких сотнях метров от того места, где она сейчас находилась, в зоне Kiss & Fly перед входом в аэропорт. Он направлялся в Нью-Йорк, чтобы начать работу на новом месте в качестве редактора новостей в одном из крупнейших мировых СМИ, и Элоиза пообещала, что последует его примеру, как только истечет срок действия ее контракта в «Demokratisk Dagblad».

А через пять недель Миккельсен предложил ей постоянную работу в группе по экономическим преступлениям.

– У Томаса теперь жена и дети, так что не важно, где он живет.

– А это правда, что он работает главным редактором в какой-то региональной газете?

– Да.

Герда состроила сочувственную гримасу.

– Что ж, после «Хаффингтон Пост» это солидное понижение, да?

– Можно так сказать, – кивнула Элоиза.

– Значит, ты сейчас летишь в Сеннерборг?

– Да.

– А когда вернешься?

– Все зависит от того, что я там обнаружу. Если Яну станет хуже, я сразу же вернусь домой, но я сняла дом в Ринкенесе на неделю – в местечке под названием Гердасминде, чтобы не соврать.

Герда улыбнулась.

– Боже, звучит превосходно.

– Правда? Я нашла его на Airbnb за двести сорок крон в день, так что не страшно, если мне вдруг придется бросить все и вернуться домой.

– Ну, к тому же, я думаю, за тебя платит газета.

Элоиза покачала головой:

– На этот раз нет. Я сама.

10

Карл Ребель припарковал машину и вышел на дрожавший от жары воздух. Он поправил очки и осмотрел пляж, на который лениво набегали длинные волны. Пляж Веммингбунд в Южной Ютландии был полон купающихся нимф, играющих детей и пенсионеров, сидящих под оранжевыми пляжными зонтиками и наслаждающихся самым жарким летом нынешнего века.

Карл отыскал взглядом деревянное строение кафе-мороженого на набережной и увидел старика, расположившегося рядом на складном стуле. Мужчина сидел на краешке сиденья, положив руки на трость, стоявшую между его острыми коленями. Это был загорелый человек с вытянутыми сухими мускулами, одетый в белую майку и черные плавки. Его длинные седые волосы, влажные от пота, обрамляли лицо с острыми скулами и узкими губами, а глаза были скрыты за солнечными очками с зеркальными стеклами.

Когда Карл приблизился, мужчина поднял голову.

Карл остановился перед ним и протянул руку:

– Здравствуй, Йес.

Йес Декер кивнул, но остался сидеть, как сидел, сложив руки на трости.

Карл убрал руку и посмотрел на людей, стоявших в очереди за мороженым. Он собрался было спросить, есть ли где-нибудь место, где они могли бы спокойно поговорить, когда Йес Декер встал и кивком пригласил Карла следовать за ним.

Старик ступил на песок и нетвердым шагом направился к воде.

Карл шел по его следам.

Пара веснушчатых коротко стриженных мальчишек подбежали к ним, осыпая лежавших на солнце отдыхающих песком. Они поймали сцифомедузу размером с дорожный люк и несли ее на ракетке, сквозь сетку которой торчали красно-фиолетовые щупальца. Старший мальчик протянул медузу вперед и радостно закричал:

– Смотри, дедушка! Смотри, что мы нашли!

– Не сейчас, ребята. Не сейчас, – отмахнулся от них старик.

Он продолжал идти к воде. Затем повернулся к Карлу.

– Снимай одежду, – сказал он.

Он говорил хрипло, тоном, явно не терпящим возражений.

– Но... – Карл нервно улыбнулся и оглядел себя. На нем были рубашка с короткими рукавами и серые брюки со складками. – Я не могу... И у меня...

– Снимай!

Карл встретился с ним взглядом. Затем расстегнул кожаный ремень и спустил штаны до щиколоток. Он переступил через них так, чтобы они остались лежать поверх ботинок на

песке, и расстегнул рубашку. Снял ее и отбросил. Затем сложил руки перед ширинкой своих боксерских трусов и тяжело вздохнул.

– И что теперь?

Старик поднял палку и указал на троих мужчин, которые стояли по пояс в воде на некотором расстоянии за песчаным наносом. Только сейчас Карл заметил, что в руке у Йеса был айрон № 7¹¹.

– Они ждут тебя там.

Карл посмотрел на мужчин. Грозовые тучи висели низко над горизонтом позади них и угрожали испортить день. Он неуверенно улыбнулся.

– В этом нет необходимости, Йес. Я бы и не подумал...

– Иди! – Мужчина ткнул Карла клюшкой в грудь.

Карл начал спускаться в воду, царапая ноги о гальку и ракушки. Трое мужчин наблюдали, как он двигается в их направлении, и Карл узнал в одном из них сына Йеса Декера, Рене. Это был мужчина среднего роста, лет сорока с небольшим, с короткими золотистыми волосами и такими накачанными мускулами, будто они были нарисованы. Двух других Карл раньше не видел, но их бычьи загривки и скрещенные руки указывали на то, что это были разнорабочие Йеса Декера из Восточной Европы.

Рене Декер поприветствовал Карла кивком, когда они оказались друг напротив друга.

– Нет никаких причин встречаться вот так, – сказал Карл. Он нервно переводил взгляд с одного преторианца на другого. – Я бы никогда и не подумал каким-то образом записывать наши разговоры...

Рене Декер развел руками.

– Ты, несомненно, хороший парень, Ребель. Но ты же знаешь, что говорят о доверии и контроле, – он улыбнулся и положил тяжелую руку на обнаженное плечо Карла, – а так мы точно сможем оставаться друзьями, верно?

Карл кивнул.

– Хорошо, – сказал Рене, скрестив руки на груди. – Так в чем дело? Доставка? Какие-то проблемы с продуктом?

– Нет, с Гленном.

– А что с ним?

– Он ведь работает на вас, да?

Рене Декер опустил уголки рта и пожал плечами:

– Возможно. А что?

– Вчера вечером он сидел на Пенни-Лейн и хвастался работой, которую выполнил для вас недавно в Гамбурге. Он не сказал конкретно, о чем шла речь, но складывалось такое впечатление, что это как-то связано с наркотиками, так что на вашем месте я бы осадил его. Стоило ему взять в рот выпивку, как он начал трепаться, так что, возможно, ему нужен... выговор.

Рене Декер провел пальцами по подбородку и кивнул:

– Ладно. Я поговорю с ним. – Он похлопал Карла по плечу. – Хорошо, что ты держишь ушки на макушке, Ребель. Твоя верность будет...

– Есть и еще кое-что.

Декер встретился с Карлом глазами.

– Я услышал кое-что, что, по-моему, тебе следует знать.

– Так? – Рене Декер кивнул, чтобы он продолжал.

– Сегодня утром звонили в участок. Следователь по расследованию убийств из копенгагенской полиции.

– И?

---

¹¹ Разновидность железной клюшки для гольфа.

- И он задавал вопросы, которые, как мне показалось, могут представлять интерес.
- Какие вопросы? – нахмурился Декер. – Мы не имеем никакого отношения к Копенгагену.
- Он спрашивал, знает ли кто-нибудь что-то о Питбуле.
- Рене Декер приоткрыл рот. Он долго молча буравил Карла взглядом.
- Ты уверен?
- Карл кивнул.
- Он спросил Петера Зельнера, знает ли полиция что-нибудь о его смерти.
- О чем еще он говорил?
- Больше ни о чем.
- Рене Декер колебался.
- Ты не знаешь, удалось ли... удалось ли им выяснить что-нибудь?
- Карл покачал головой.
- Ты сказал, что он звонил из отдела по расследованию убийств?
- Да. С ним разговаривал Зельнер, я слышал только обрывки разговора.
- Как его звали? – Рене Декер вздернул подбородок и посмотрел на берег, где стоял его отец. – Того, кто звонил... как его имя?
- Шефер, – сказал Карл, поправляя очки, – Эрик Шефер.

11

В прихожей и по всему коридору были лужи высохшей крови, черно-фиолетовой и расклевшейся, как краска на японской керамике раку. Она была смазана в тех местах, куда наступали ногами, а на белых стенах и панелях виднелись табачно-коричневые отпечатки рук, локтей и плеч, которые встречали удары.

Эрик Шефер перешагнул через медную вешалку для пальто, валявшуюся посреди прихожей, сел на корточки и стал изучать кровь, просочившуюся в червоточинки в старых половицах.

Он поднял взгляд, чтобы отыскать на потолке следы, которые могли остаться после резкого взмаха орудием преступления, но не обнаружил брызг крови ни на большой хрустальной люстре, ни на потолке над ней.

Он закрыл глаза и медленно втянул носом воздух.

Кроме яркого металлического запаха крови, в квартире пахло свежестью, мыльной стружкой, солнцем и чистым воздухом из открытых окон. Единственный неприятный запах исходил от палочек, похожих на шпажки «Микадо», которые торчали из перевернутого янтарного флакона на комод в прихожей. «Cèdre du Fil de Fer»¹² значилось на этикетке, «home fragrance»¹³.

Вряд ли жилец этого дома был мертв продолжительное время.

Шефер встал и оглядел длинный коридор, в котором беспрерывно щелкал камерой полицейский фотограф.

Труп находился в сидячем положении в конце коридора, прислоненный спиной к стене, со слегка раскинутыми ногами. Тело было наклонено лицом к самому низу, так что видно было только лысину на макушке, обрамленную серебристо-седыми волосами средней длины. Кремового цвета костюм, который этот человек надел в свой последний день на земле, пропитался кровью и мочой.

Шефер покачал головой.

---

¹² Кедр из проволоки (*фр.*).

¹³ Аромат для дома (*англ.*).

– Лестер, старый разбойник, – пробормотал он. – Кто же, черт возьми, сделал это с тобой? Дверь за спиной Шефера была открыта, и он услышал шаги на лестнице.

В дверях появилась эксперт по профилированию и бывший полицейский психолог Микала Фриис. Светлые волосы были собраны в конский хвост, она была одета в узкие черные джинсы и черную футболку с вырезом бато, который подчеркивал ее загорелые плечи и ключицы.

Слова Бертельсена запоздалым эхом отозвались в голове у Шефера.

Микала Фриис остановилась на пороге и заглянула в прихожую.

– Что у нас тут? – спросила она.

– Обычная кровавая баня. – Шефер кивнул в сторону трупа и протянул ей пару латексных перчаток. – Ты войдешь?

Она взяла перчатки и улыбнулась.

– Я думала, мы встретимся в «Бистро Богема», – сказала она, имея в виду ресторан, расположенный наискосок от того дома, где они сейчас находились.

– Обед откладывается, – сказал Шефер.

– Да, я уже почти догадалась сама. Ты, видимо, сделаешь все что угодно, чтобы вернуть меня в полицию.

Хотя это была обычная шутка, в ней заключалось несколько больше, чем доля истины, и Шефер криво улыбнулся.

Еще год назад Микала Фриис числилась штатным сотрудником следственного отдела, а теперь по большей части занималась консультированием частных клиентов. Шефер убедил комиссара полиции выделить некоторую сумму на составление психологических портретов, чтобы в особо сложных случаях они могли привлекать ее в качестве консультанта, и использовал любую возможность, чтобы напомнить ей, что ее место – в полиции, а не среди спекулянтов недвижимостью и прочих придурков-финансистов. В своем деле она была лучшей в стране, и Шефер укорял ее, даже почти сердился на нее за то, что она оставила свой пост в полиции.

Он и подумать не мог, что она руководствовалась какими-то иными мотивами, кроме экономических.

– Я как раз собирался припарковаться перед рестораном, когда заметил здесь синие мигалки, – сказал Шефер. Ему тогда бросились в глаза офицер, стоявший на тротуаре перед входом в дом, и женщина, которую тот опрашивал – средних лет, в окровавленной одежде и с выражением застывшего ужаса в глазах.

Микала Фриис заглянула в коридор, вытянув шею.

– Ничего себе, тут сумасшедший дом, скажи?

Шефер кивнул.

– Его зарезали?

– Сейчас невозможно сказать. Пока он там сидит, повреждений не видно, а двигать тело до приезда Опперманна нельзя.

Судмедэксперт уже был в пути, и ему нужно было осмотреть тело, чтобы определить орудие преступления и сузить круг поисков преступника.

Микала Фриис прошла мимо Шефера и заглянула в первую из трех больших гостиных, выстроенных анфиладой. Стены и полы во всей квартире были выкрашены в белый цвет, и за исключением нескольких произведений искусства более авангардного направления, жилище украшали старинная французская мебель, церковные подсвечники, зеркала и декоративные элементы в стиле романтизма. От Копенгагена до Версаля далеко, но дух Людовика XVI жил в своих лучших проявлениях на этих трехстах квадратных метрах на углу улиц Греннинген и Эспланаден.

Микала Фриис тихо присвистнула.

– Old money?¹⁴

– Собственного изготовления.

Она посмотрела на тело.

– Чем же занимался покойный?

– Это Лестер Уилкинс.

Она удивленно подняла брови и встретилась взглядом с Шефером:

– Джетсеттер Уилкинс?

Шефер кивнул.

Лестер Уилкинс, урожденный Поуль Нессе Андерсен, в молодости был великим калифом в мире джаза и ворочал миллионами. Он был любимцем глянцевого издания, приятелем монархов, дамским угодником и всем прочим, что входит в джетсеттерские клише, а в последние годы он стал воплощением и худшего из таких клише: забытым пьяницей. Печальный конец в остальном прекрасной жизни.

– Кому же пришло в голову причинить ему вред? – спросила Микала, глядя на тело. – И зачем?

– Вот именно. Зачем?

Это всегда было отправной точкой, когда Шефер начинал расследование убийства. Первый вопрос был не «кто», а «почему».

Каков мотив преступления? Это всегда был один вариант из семи: ревность, нажива, месть, отвержение от какого-либо сообщества, фанатизм, вожделиние или напряженные отношения. Иногда они накладывались друг на друга, но все убийства были связаны по крайней мере с одним из семи мотивов, и именно здесь, помимо всего прочего, проявляла себя Микала Фриис. Она могла осмотреть место обнаружения трупа, изучить детали дела, прислушаться к голосу подозреваемого, посмотреть на его язык тела и мимику и изучить вещи убитого. Основываясь на деталях, которые полиция не считала бы ценными, она могла помочь уточнить возможные мотивы и, как следствие, сузить круг потенциальных преступников.

Шефер огляделся. Квартира в целом была в порядке, разруха наблюдалась только в прихожей и коридоре.

– Похоже, на него напали здесь, у входной двери, и, вероятно, он сам впустил преступника в квартиру, потому что никаких признаков взлома нет, – сказал он. – Я думаю, между ними началась ссора, потому что тут настоящий Рагнарек¹⁵. Вещи на комодке разбросаны, и эта вешалка, и вон та картина... Выглядит яростно, да? Агрессивно!

Шефер показал на картину, висевшую на стене в прихожей. Она была выполнена в единственном кобальтово-голубом цвете, словно нарисованная строительным валиком, а посередине холста виднелись четыре вертикальных рваных пореза, словно от ножа или другого острого предмета.

– Что это тебе говорит о преступнике? – спросил Шефер. – Означает ли его ярость что-то особенное?

Микала Фриис прищурилась и подошла к картине поближе.

– Похоже на Лучо Фонтану.

– На что?

Она взялась крепко за раму и вытащила картину из углубления в стене, чтобы увидеть подпись на оборотной стороне холста. А посмотрев, опустила уголки рта и впечатленно кивнула:

– Так и есть. С ума сойти!

– В чем дело?

---

¹⁴ Наследное состояние родовитых представителей высших слоев общества; наследник такого состояния (*англ.*, идиом.).

¹⁵ В скандинавской мифологии – конец света, светопреставление.

– Это действительно Фонтана. Стремление к наживе можно исключить из списка мотивов преступления – вот что это говорит мне о преступнике, – сказала она, и картина снова заняла свое место на стене. – Это и тот факт, что у Уилкинса на запястье что-то похожее на «Ролекс Субмаринер».

Шефер посмотрел на тело и увидел, что из-под рукава выглядывает золотой браслет от часов.

Он указал на картину:

– А эти порезы?

– Это отличительная черта Фонтаны. Он был основателем направления, которое называется пространственным, в нем художник пытается прорваться сквозь двумерное изображение.

– Ты хочешь сказать, что это должно выглядеть именно так?

– Да, и это стоит больших денег. Миллионов! Подумать только, и висит так запросто здесь, в копенгагенской квартире. – Микала Фриис смотрела на картину круглыми глазами. – Она должна быть в сейфе. Или, лучше, в Государственном музее или в Луизиане¹⁶.

Шефер заметил, что ее дыхание участилось от восторга, а в углублении между верхней губой и носом проступили капельки пота.

– Прости, а мы на одно и то же смотрим? – спросил он ровным голосом. – Синее полотно с четырьмя дырками?

Микала улыбнулась ему и кивнула.

Шефер демонстративно посмотрел на нее пустыми глазами. Затем покачал головой и пошел дальше по коридору.

– Уилкинс жил один? – спросила Микала у него за спиной. – Не так ли? У него не было ни жены, ни детей.

Она открыла дверь и вошла в спальню Лестера Уилкинса. Большая двуспальная кровать стояла застеленная, постельное белье было белоснежным и несмятым.

Она поразглядывала немного комнату и села в ногах кровати.

– Да, он жил один. – Шефер просунул голову в дверной проем. – И в прежние времена был довольно жалок. Насколько мне известно, он много выпивал и был очень подавлен, так что бог знает во что еще он ввязался. Наркотики? Шлюхи?

Микала Фриис откинулась назад, отчего закрипела рама кровати, и, опираясь на локти, рассматривала спальню.

– Если бы эти стены могли говорить, – сказала она. – Уилкинс якобы трахался со всеми фотомоделями в 70-х и 80-х, но не знаю, так ли уж много событий происходило здесь в последние годы. Наверное, не много, – сказала она, кивнув в сторону костылей, которые стояли в углу комнаты рядом с белым комодом, уставленным лекарствами от подагры, бета-блокаторами, анксиолитиками и прочими вещами, которые не особенно говорили в пользу безудержной и вызывающей сексуальной жизни.

Шефер рассматривал Микалу Фриис, которая полусидела, полулежала на кровати, и думал: может быть, в другой жизни.

Она встретила его взгляд и улыбнулась.

– В чем дело?

Шефер откашлялся.

– Бертельсен сказал мне кое-что сегодня днем... кое-что такое, о чем я не могу перестать думать. – Он потер пальцем лоб.

Микала смотрела на него, не мигая:

– Да?

---

¹⁶ Музей современного искусства, один из самых знаменитых и посещаемых музеев Дании.

– Да, я сказал ему, что мы с тобой собираемся встретиться, чтобы поговорить об отравлении на улице Хольбергсгаде, а потом он намекнул, что, хм... что я перестал улавливать сигналы так ясно, как раньше. Он сказал, что я сдал.

Она опустила глаза и провела языком по губам.

– Что ты думаешь об этом? – спросил Шефер. – Он прав?

Она подняла плечи до самых ушей и чуть улыбнулась.

– А что ты сам думаешь?

– Я думаю, что будет становиться еще хуже, – тон Шефера был теплым, но не приглашительным, – и я не смогу выполнять свою работу должным образом, если будет слишком много расхождений между тем, как я вижу вещи, и тем, каковы они на самом деле. Я должен доверять вот этому, – он похлопал себя по животу.

Микала встала с кровати и оправила одежду. Она подошла к Шеферу, стоявшему в дверях, и они оказались лицом к лицу.

– Ты блестящий следователь, Эрик, если мы сейчас говорим об этом. – Ее взгляд на мгновение задержался на его губах, и она будто собиралась сказать что-то еще, когда их прервал стук во входную дверь на другом конце квартиры.

Они вышли в прихожую, где их ждал молодой полицейский. По виду араб, широкоплечий, в настолько плотно сидевшей униформе, что казалось, будто он упакован под вакуумом. Это был сотрудник, первым прибывший на место, и Шефер сказал ему опросить всех жителей подъезда, не видел и не слышал ли чего-нибудь кто-то, помимо той первой соседки.

– Большинство квартир сдаются в коммерческую аренду, – сказал полицейский. – Только здесь, на четвертом этаже, и наверху, на пятом, есть жилые квартиры, но наверху сейчас никого нет дома. – Он указал большим пальцем наверх. – Соседка с этажа говорит, что вчера вечером коротко поздоровалась с жертвой на лестнице и что он выглядел так, будто собирался уходить. Нарядный и в приподнятом настроении.

– Она что-нибудь знает о том, куда он направлялся? – спросил Шефер.

– Она говорит, что он обычно проводил несколько вечеров в неделю в баре в «Бистро Богема», но я только что оттуда, и они не припоминают, чтобы видели его вчера вечером.

– В котором часу она его обнаружила? – спросила Микала.

– Около часа назад. Она шла выгуливать собаку, когда заметила, что дверь в квартиру открыта, и вошла проверить, все ли в порядке. Экстренные службы получили вызов в 11.17.

– Значит ли это, что эти отпечатки... – Микала Фриис показала на красновато-коричневую полосу на полу, где, казалось, кто-то поскользнулся в кровавой луже. – Значит, это могут быть ее? Соседки?

Офицер кивнул.

– Она говорит, что зашла проверить, жив ли он, поэтому она двигала его, щупала пульс и так далее.

– А где была собака? – спросил Шефер.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, что она шла гулять с собакой, когда проходила мимо открытой двери. Так куда же она делала собаку, когда зашла сюда?

Офицер пожал плечами и огляделся.

– Хорошо, проследите, чтобы ребята из НКЦ сняли отпечатки пальцев и подошв соседки, – сказал Шефер, кивая на команду из Национального центра судебной экспертизы, которая как раз собирала отпечатки пальцев и другие улики. – У нее есть алиби на вечер и на ночь?

– Она говорит, что была дома.

– Одна?

Офицер кивнул.

Телефон Шефера завибрировал. Он вытащил его и посмотрел на экран. На экране высветилось «Кальдан».

Он помедлил и перевел взгляд с телефона на труп. Неужели СМИ уже узнали о смерти Лестера Уилкинса?

Гребаные Фейсбук и Твиттер!

Нельзя было ни минуты спокойно проработать, чтобы фотографии жертв убийств, теории заговора и фальшивые новости во всевозможных вариациях не распространились бы по интернету. Прошло всего несколько минут, а грузовики с новостями уже выкатились на тротуар перед входом в дом, и сайты газет уже пестрели фотографиями и громкими словами о жизни и смерти Уилкинса.

Шефер сжал челюсти и отклонил вызов. Он взглянул на полицейского.

– Эта соседка, насколько нам известно, последняя, кто видел Уилкинса в живых, так что отвезите ее в участок и попросите еще раз рассказать, что она видела и когда. Может быть, всплывет что-то интересное, о чем она не подумала объявить нам в первом туре. Признание, например.

Офицер кивнул и вышел из квартиры в тот самый момент, когда судмедэксперт Якоб Сандал вошел в дверь с медицинской сумкой в руке.

– Сандал? – удивленно спросил Шефер. – Я думал, придет Йон Опперманн.

– Да, так и планировалось, но в тот момент, когда он выходил из дверей, привезли несовершеннолетнего. Поэтому он решил остаться в Институте, чтобы осмотреть его, а я тем временем займусь Уилкинсом.

Якоб Сандал работал на кафедре судебной медицины всего пять месяцев, но с первого же дня получил статус суперзвезды, поскольку занимал высокий пост начальника службы медицинской помощи в Университетской больнице Монпелье. Он был молод, по крайней мере моложе Шефера, высокомерен, и ему до всего было дело. Он, помимо прочего, ужасно слащаво выглядел со своими густыми маслянистыми волосами и четко очерченными бровями, и хотя он не занимал так много места в пространстве, как Шефер, но излучал уверенность, которая словно прибавляла ему роста больше трех метров. Он не скрывал, что рассчитывает взять в свои руки бразды правления после Опперманна, когда в следующем году тот уйдет в отставку, и что фактически считает себя подарком для копенгагенской полиции. Им был нужен судмедэксперт с такими познаниями, как у него, и у Шефера не было ни одной веской причины презирать его. И все же ему не нравилось, что представлял собой Сандал: новые времена и передача эстафеты сопливому щенку, который думает, что знает больше, чем профессионалы, которые работали по специальности уже тогда, когда Король Бриллиантов был ребенком.

Якоб Сандал посмотрел на Микалу Фриис.

– Думаю, мы с вами раньше не встречались, – сказал он, протягивая руку.

Она улыбнулась недовольству Шефера и пожала руку Сандалу.

Он прошел в коридор и присел рядом с телом. Приподнял голову Уилкинса, чтобы было видно его искаженное, безжизненное лицо. Затем взялся за подбородок и попытался закрыть ему рот, но мышцы уже сковало смертное окоченение, и челюсти застыли в немом крике. Он осмотрел рот, язык и горло. Затем взял левую ногу трупа и толкнул ее вверх. Нога поддавалась давлению и согнулась, словно на ржавых дверных петлях.

– Окоченение наступило в верхней части тела, но еще не достигло нижней, – сказал он в свой диктофон, не поднимая глаз. Он измерил температуру тела и понажимал на пятна, чтобы посмотреть, бледнеют ли они. – Я бы предположил время смерти... – Он посмотрел на наручные часы и склонил набок голову. – Где-то между пятью и семью часами утра.

– Идет ли речь об ударе плоским предметом, каково твое непосредственное впечатление? Я не вижу ни колотых ран, ни пулевых отверстий, а было бы неплохо начать поиски орудия преступления.

- Похоже, что это естественная смерть.
- Естественная смерть? – Брови Шефера поползли вверх, и он яростно ткнул пальцем в кровь, которой был залит почти весь коридор. – Это похоже на натуральную бойню, вот это все! Сандал покачал головой.
- Это пьянство.
- Пьянство?
- Да. Этот человек был известным пьяницей, не так ли?
- Якобы. Ну и что?
- Исходя из того, что я здесь вижу, мое предварительное заключение – варикозное расширение вен пищевода, вызванное повышенным давлением на венозный контур. Такие варикозные вены легко разрываются, а когда это происходит, у человека резко открывается ротовое кровотечение. Это выглядит жестко, как вы можете видеть, но тем не менее это естественная смерть. Технический термин для этого заболевания – варикозное расширение вен пищевода, и наиболее частой причиной является цирроз печени.
- Цирроз?
- Да.
- Шефер потер шею, глядя, прищурившись, на Сандала.
- Конечно, я должен провести его через стол, прежде чем сделать окончательный вывод, – сказал Сандал, вставая. – Но я очень удивлюсь, если это окажется что-то другое.
- Хм, – сказал Шефер, глядя на массу крови в коридоре.
- Он, по всей видимости, поздно вернулся домой, запер дверь, и ему стало плохо в прихожей. Открылась варикозная вена, и кровь хлынула у него изо рта – а речь идет об очень сильном кровотечении. Как открытый пожарный гидрант! Он, без сомнения, запаниковал, наощупь пробрался в коридор, где сел и истек кровью до смерти.
- Хм, – повторил Шефер скептически.
- Могу тебя утешить, я еще ни разу не сталкивался со случаем варикозного расширения вен пищевода, чтобы следователь изначально не подумал, что это убийство, – сказал Сандал, стягивая латексные перчатки. – Это выглядит как Ниагарский Водопад Смерти. Дьявольское месиво! Но ты же знаешь, как это бывает. – Он покровительственно похлопал Шефера по плечу. – Вещи не всегда таковы, какими кажутся.
- Двое санитаров вкатили в квартиру носилки. Они подняли тело, положили его в открытый мешок, лежавший на носилках, застегнули молнию, и глаза Лестера Уилкинса и открытый окровавленный рот исчезли под черным пластиком.
- Завтра рано утром планирую вскрытие, – сказал Якоб Сандал. – Скажем, в 8.30?
- Шефер молча кивнул, судмедэксперт поблагодарил его и вышел.
- Шефер повернулся и неохотно встретился взглядом с Микалой Фриис.
- Резинка на ее волосах немного ослабла, и прядка волос упала на один глаз.
- Она ободряюще улыбнулась.
- Он прав, Эрик. Невозможно попадать в точку всякий раз, и пара ошибок не означают, что ты сдал позиции. Ты ведь это знаешь, правда?
- Шефер услышал жалость в ее голосе и съезжился.
- Он сжал губы и кивнул. Не было никакой причины углубляться в это дальше.
- Ну, – сказал он. – Может, все-таки пообедаем?

Небо над аэропортом Сеннерборга было безоблачным, когда шасси коснулись взлетно-посадочной полосы, но запах дождя, исходивший от горячего асфальта, сообщал, что здесь

недавно прошел ливень. Путешествие было удивительно коротким, подумала Элоиза, спускаясь по трапу из черного винтового самолета.

Какие-то тридцать пять минут от взлета до посадки. Тридцать пять минут от глубокого столичного баритона до поразительно ясной тишины, окутавшей ее теперь.

Она выключила режим полета на телефоне, пока ожидала выдачи ключей от машины, которую взяла в аренду, и, как только появилась сеть, пришло сообщение от Мортена Мунка:

Женщину, которую ты ищешь в Швеции, зовут Элизабет Ульвеус. На нее зарегистрирован тот дом в Драгере, чей адрес ты мне давала. Я отправил тебе среди прочего ее номер телефона на почту. М.М.

Элоиза подписала документы на прокат автомобиля у стойки арендной фирмы «Энтерпрайз» и через несколько минут нашла белый «Рено Клио» на стоянке перед терминалом. Она села в машину, в которой стоял искусственный запах спрея для новых автомобилей, и открыла письмо Мунка. К нему было прикреплено несколько файлов, и она открыла тот, что назывался «Ульвеус».

Она бегло просмотрела документ.

Согласно информации Мунка, дочь Фишхофа работала морским биологом в немецкой компании в Стокгольме, и, судя по домашнему адресу, жила в местечке под названием Смедслеттен к западу от шведской столицы.

Элоиза набрала ее номер телефона и прислонила трубку к уху. Звонок был переадресован на автоответчик, и она дождалась гудка.

«Здравствуйте, Элизабет, меня зовут Элоиза Кальдан, – сказала она, натягивая ремень на грудь. – Я звоню вам, поскольку дружу с вашим отцом, и у меня есть кое-какие вопросы о вашей жизни в Южной Ютландии, на которые я надеюсь получить ответ с вашей помощью. Он уже не так хорошо соображает, так что не могли бы вы перезвонить мне, когда прослушаете мое сообщение? Спасибо!»

Элоиза назвала свой номер и повесила трубку, а потом снова попыталась дозвониться до Шефера. Она уже звонила ему из аэропорта в Копенгагене, но он отклонил звонок и включил автоответчик с сообщением, что занят и перезвонит позже. Он снова не ответил, и Элоиза отправила сообщение.

Только что приземлилась в Сеннерборге. Еду пообщаться с полицией. Твоего коллегу зовут Петер Зельнер, верно? Перезвони!

Элоиза набрала адрес в навигаторе и завела машину.

13

Однажды Элоизу ограбили на улице в Нью-Йорке.

Красивый пожилой джентльмен в мягкой шляпе и костюме цвета ликера «Бейлис» сел рядом с ней на скамейку на углу улиц Малберри и Спринг. Он улыбнулся, кивнул, вежливо обратил ее внимание на 9-миллиметровый пистолет Люгера, лежавший у него во внутреннем кармане, и попросил передать ему сумочку и сотовый телефон. Элоиза послушалась, а полчаса спустя, когда она пришла в 5-й полицейский участок в Маленькой Италии¹⁷, чтобы сообщить об ограблении, она была потрясена грязью и темнотой внутри красивого старого здания – и полным *отсутствием* чувства безопасности. Звучала какофония из телефонных звонков, воплей и криков задержанных, жужжания кофейных автоматов и возмущений граждан, которые приходили заявить обо всем, начиная с кражи и шумных соседей до сексуальных домогательств, домашнего насилия и убийств, а в это время город, который никогда не спит, бушевал за дверями.

---

¹⁷ Район Нью-Йорка в нижнем Манхэттене.

По сравнению с этим полицейский участок в Сеннерборге, перед которым она сейчас стояла, напоминал крематорий. Там было ослепительно светло и пусто, а само здание из желтого кирпича, казалось, было спроектировано архитектором, приложившим все усилия, чтобы избежать номинации на Притцкеровскую премию.

Элоиза вошла через автоматические раздвижные двери и прошла внутрь. Она подошла к стойке, где похожий на кирпич стационарный телефон беззвучно мигал рядом с чашкой кофе. Сливки в кофе расслоились, и жир собрался на ободке чашки – было похоже, что она простояла на столе уже несколько часов.

Ни в приемной, ни за стойкой никого не было, и было так тихо, что за закрытыми окнами слышалось посвистывание птиц.

– Эй? – позвала она и оглядела пустое пространство. – Есть здесь кто-нибудь?

Она услышала, как в другом конце здания спустили воду в туалете, и в следующее мгновение в приемную вошел молодой офицер в форме с номером дамского журнала в одной руке и мобильным телефоном в другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.